

Жансеит Туймебаев

Индикативные
формы
глагола
в казахском
языке

ЖАНСЕЙТ ТУИМЕБАЕВ

**ИНДИКАТИВНЫЕ
ФОРМЫ ГЛАГОЛА
В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ**

(Формы прошедшего времени)

Алма-Ата — Ана-тілі 1992 г.

ББК 81.2
Т 81

Т 81 Тұймебаев Ж.

Индикативные формы глагола в казахском языке (формы прошедшего времени) Уч. изд. Алма-Ата: Ана-тілі — 116 с.

ISBN 5-630-00279-1

В книге описывается функционально-семантические особенности временных форм казахского языка, определяется место прошедшего времени в системе времен тюркских языков. Показано соотношение временных форм и закономерности явления транспозиции индикативных форм.

Кітапта қазақ тіліндегі шақ тұлғаларының функционалды-семантикалық ерекшеліктері сипатталады, өткен шақ тұлғасының түркі тілдерінің шақ жүйесіндегі орны айқындалады. Шақ тұлғаларының ара қатынасы мен индикатив тұлғаларының транспозиция құбылысының заңдылықтары көрсетіледі.

ББК 81.2

ISBN 5-630-00279-1

© Издательство Ана-тілі, 1992 г.

ВВЕДЕНИЕ

Формы прошедшего времени в тюркских языках отличаются от других временных форм прежде всего своей сложностью и многообразием. Именно по этой причине вопрос о критериях выделения форм прошедшего времени в тюркских языках является предметом спора исследователей с тех пор, как появились первые обобщающие работы, посвященные изучению данной категории¹. Однако не только формы прошедшего времени, но и грамматическая категория времени вообще является одной из существенных, особо выделяющих глагол как часть речи и противопоставляющих его другим классам слов. Если исходить к тому же из того, что глагольное время — это категория исторически сложившаяся и находившаяся в постоянном изменении, то можно сказать, что категория эта все еще не потеряла своей актуальности и требует всестороннего изучения.

В современном языкознании все более распространенной становится точка зрения, согласно которой «категория времени в языке возникает из потребности в хронологической соотнесенности сообщаемого с «моментом речи». В этом нуждается прежде всего действие или состояние, характеристика хронологической соотнесенности которого переносит в определенный временной план все высказывание. Соотнесенность действия или состояния с определенным временным планом (прошедшего, настоящего или будущего) является основной сущностной ха-

¹ Кононов А. Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках: Тюркологический сборник, 1. М.-Л. 1951, стр. 112—119; Баскаков Н. А. Причастие на -ды, ты в тюркских языках. Труды Московского ин-та востоковедения, № 6. Москва, 1951, стр.—217.

рактической категории глагольного времени»¹. Действительно, если обратиться к тем определяющим данную категорию признакам, которые отличают глагольное время от смежных категорий, в том числе категорий вида (аспекта), способа действия, наклонения, модальности и залога, на первый план неминуемо выдвигаются те отношения к моменту речи.

Даже такие сложные по своей семантической структуре временные формы, как *plusquamperfectum*, *futurum*, *secundum* в латинском языке и т. п., имеющие «смещенную» точку зрения, также в конечном счете соотносятся с моментом речи. В литературе высказывалось мнение о том, что понятие «момента речи» не может служить адекватным концептом для анализа данной категории, так как оно представляет субъективное отношение говорящего к событию. Как писал А. М. Пешковский, «категория времени обозначает... отношение времени действия ко времени речи (или наоборот: времени речи ко времени действия). Но что такое здесь «время речи»? Это прежде всего момент речевого сознания. Ведь говорящий при помощи категории времени определяет отношение времени действия ко времени своей собственной речи, а это время не может представляться ему только объективно»². Основываясь на подобной субъективности, некоторые исследователи утверждали, что ориентация на момент речи апеллирует к конкретному психологическому содержанию высказывания, а не к его общественному значению и поэтому должна считаться порочной.

Тем не менее исследования, проводимые на материале языков разных систем, показывают, что понятие момента речи является неотъемлемой характеристикой таких парадигматических единиц, как настоящее, прошедшее и будущее время, а также более дифференцированные единицы. По мнению проф. П. С. Кузнецова, «для определения значения грамматических форм времени точкой отсчета является момент речи. Момент речи не есть нечто субъективное существующее лишь в сознании говорящего и зависящее лишь от его воли; он существует объективно как для говорящего, так и для собесед-

¹ Дешериева Т. И. Исследование видо-временной системы в нахских языках (с привлечением материала иносистемных языков). М., Наука, 1979, стр. 13.

² Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 4-е. М., Гос. учпед. изд-во, 1934, с. 78—79.

ника или собеседников, к которым обращена речь, и в различных отношениях к нему находятся различные события, реально протекающие во времени, что и выражается в различных грамматических формах времени»¹.

Более того, именно соотношенность с моментом речи включает категорию времени, наряду с категориями лица и склонения, в состав синтаксической категории предикативности. Отсюда становится очевидной необходимость и актуальность исследования категории времени не только в собственно морфологическом, но и в синтаксическом аспекте.

Вместе с тем определение категории времени как категории, соотносящей событие с моментом речи, в практике конкретного лингвистического описания не всегда дает возможность четкого подразделения комплекса глагольных категорий в силу целого ряда причин. Прежде всего, здесь, видимо, следует указать на то, что эти категории часто накладываются друг на друга. Например, специфика проявления категорий вида и времени в русском языке сказалась, по мнению акад. В. В. Виноградова, в господстве одностороннем представлений о соотношении форм и значений вида и времени в русской грамматике².

Аналогичные трудности испытывают и тюркологи. Показательной в этом отношении является следующее высказывание по поводу категории времени тофаларского глагола: «Каждое из времен выражается несколькими формами, отличающимися друг от друга дополнительными оттенками, имеющими у одних — временной, у других — модальный, у третьих — видовой характер»³.

Немалые трудности представляют также употребление при наличии определенных условий форм времени в самых различных значениях, ср. рус. Приходит он ко мне и говорит; Бывало, придет он ко мне... и т. п., где в значении прошедшего используются формы настоящего и будущего. Подобные факты вызвали к жизни в русской грамматической традиции теорию вневременности рус-

¹ Кузнецов П. С. Генезис видо-временных отношений древнерусского языка.— Труды Ин-та языкознания АН СССР. М., 1953, т. II, с. 222.

² Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е, М., Высшая школа, 1972, с. 428—429.

³ Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., Наука, 1978, с. 200.

ского глагола, представленную взглядами А. В. Болдырева, Г. Павского, К. С. Аксакова, Н. П. Некрасова и др., оказавшими значительное влияние на последующую разработку глагольных категорий русского языка.

Значительную трудность в квалификации временных глагольных форм, представляет и разнообразие источников их происхождения. По наблюдениям Б. А. Серебренникова, будущее время, например, с помощью вспомогательных глаголов, означающих жалеть, хотеть (напр. рум. *voi cânta* «я буду петь»); глаголов, обозначающих переход в какое-либо состояние (напр. нем. *werden*); начинательных глаголов; при помощи вспомогательных глаголов, означающих долженствовать, быть должным; со значением приходить; путем переосмысления модальных значений наклонений и др.¹ Если при этом учесть, что временные формы, образованные с помощью вспомогательных глаголов или путем реинтерпретации значения иных глагольных форм, еще не полностью утратили связь со своими истоками, их квалификация в описательных грамматиках окажется несомненно неоднозначной. Конечно, будущее время в этом отношении, видимо, является наименее стабильной категорией, однако и другие глагольные времена не всегда могут быть определены достаточно четко.

Думается, что тюркские языки не представляют исключение в этом отношении, хотя в литературе находим и следующие характеристики: «В тюркских языках... деление по временам выступает отчетливо и весьма разнообразно, причем местоименные окончания, общие у глагола и имени, появляются в именном сказуемом лишь в тех формах, которые лишены временного выражения и ограничиваются общею характеристикой сказуемости»². На наш взгляд, подобная характеристика не может считаться верной. Одним из фактов, свидетельствующих об относительной нестабильности временной системы тюркского глагола является терминологический разнобой. Не только в казахском языкознании, но и в тюркологии в целом, до сих пор не выработана единая терминология для форм прошедшего времени. Основываясь на тех или иных сторонах семантики форм прошедшего времени, ав-

¹ Серебренников Б. А. Вероятные обоснования в компаративистике. М., Наука, 1974, с. 197—203.

² Мещанинов И. И. Глагол. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949, с. 61.

торы различных работ пользуются разнообразной терминологией для одной и той же формы этого времени, что объясняется не только спецификой временных категорий каждого из родственных языков, но и тем, что каждый исследователь на свой «слух» и чутье выбирает то «основное значение» формы из массы в основном контекстуальных оттенков общего значения, которое и выделяет, называя соответствующим образом.

Так, например, форма на-ды обозначается в тюркологии следующими терминами: прошедшее время I-е (П. М. Мелиоранский), прошедшее определенное (Н. А. Баскаков), прошедшее достоверное (Д. М. Насилов), прошедшее категорическое (А. Н. Кононов), недавно-прошедшее (Л. Н. Харитонов), претерит (И. В. Кормушин). И это далеко не полный перечень: сходные названия использованы в известных грамматиках Н. К. Дмитриева, Н. П. Дыренковой, И. А. Батманова, Н. Т. Сауранбаева, Б. О. Орузбаевой и других.

То же можно сказать о значении форм прошедшего времени на **-ып** и **ған**. Такой разнобой в терминологии, как мы уже отметили, проистекает, по-видимому, от того, что каждый исследователь основывается в первую очередь на семантике той или иной формы, а семантика может бесконечно меняться в зависимости от конкретного контекста. Характеризуя временную систему тюркского глагола, А. М. Щербак пишет: «Формы на **-ған** и на **-миш** многозначны. Основное значение и той и другой — результативность, вследствие чего за указанными формами прочно закрепилось наименование прошедшего результативного, или перфекта I. Второе значение — недостоверность, в смысле отсутствия определенной информации о передаваемом действии, неуверенность в том, что действие происходило, или иллюзорность... «Кроме того, нередко выделяется повествовательное, или пересказывательное, значение»¹.

В этой связи заслуживает серьезного внимания высказывание исследователя тувинского языка Д. Монгуша о том, что весь этот терминологический ряд не может выражать сути категории, и поэтому вместо него лучше применять нейтральное наименование, например, «прошедшее на **-ды**», когда речь идет о прошедшем очевид-

¹ Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Глагол). Л., Наука, 1981, с. 93.

ном времени с данным морфологическим показателем.

По мнению автора традиционные названия можно оставить на долю нормативных, школьных грамматик, а в научных грамматиках и в научных исследованиях лучше прибегать к терминам не на семантической, а на формально — морфологической основе.

По словам А. В. Бондарко, «морфологические категории представляют собой многопризнаковые величины. Отсюда вытекает необходимость такого подхода к их классификации, который был бы основан на учете этой множественности и разноплановости признаков членения. Таким образом, вопрос должен ставиться не об одной классификации по какому-то одному признаку и даже не о сложной многоступенчатой классификации, а о системе классификаций»¹. Хотя в приведенном высказывании речь идет о классификации категорий, каждая из которых имеет набор противопоставленных форм, по нашему мнению, содержащийся в нем вывод вполне применим и к классификации таких противопоставленных друг другу форм.

В современной тюркологической науке существуют следующие подходы к классификации временных форм.

1. Составной принцип. По этому принципу формы времен делятся на простые (синтетические) и сложные (аналитические).

Выделение сложных (аналитических) образований в системе глагольного словоизменения всегда сопряжено с целым рядом неоднозначностей, возникающих при размежевании, во-первых, аналитических форм, во-вторых, сложных глаголов и, в-третьих, фразеологических оборотов и свободных словосочетаний. Для решения этих проблем на материале различных языков предлагаются соответствующие критерии. Некоторые из них можно считать универсальными, применимыми к языку любого типа, другие — специфическими, действующие на материале одного или нескольких языков. Ср., например, критерии выделения сложного глагола в языке бамана (Мали): 1) сложный глагол всегда выражает единое, цельное понятие (семантический критерий); 2) сложный глагол не может быть разложен на части без утраты своего значения (морфологический критерий); 3) слож-

¹ Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., Наука, 1976, с. 41.

ный глагол функционирует как простое слово в предложении, он играет роль сказуемого, способен иметь прямое дополнение (синтаксический критерий)¹.

Рассмотрение всего комплекса противопоставляемых единиц требует применения целого набора признаков, позволяющих дифференцировать эти единицы. К таким признакам, помимо уже упоминавшихся, можно отнести: а) возможность синонимической подстановки компонентов (свободное словосочетание); б) соотношенность частей с одним морфологическим классом (слово; аналитич. форма); в) способностей частей быть определяемыми (своб. словосочет.); г) способность частей меняться местами (фразеологизм; своб. словосочет.); д) моделируемость (анал. форма; своб. словосочет.); е) воспроизводимость (слово; анал. форма; фразеологизм).

2. Семантический принцип. Времена глагола по этому принципу группируются на основе значений их форм. В данном случае решающую роль должны играть выделенные на основе различных критериев, по-видимому, более или менее универсальных, «атомарные» временные смыслы. Соответственно, успех той или иной семантической классификации всецело зависит от полноты и непротиворечивости подобного рода атомарных смыслов. Опыт рассмотрения элементарных значений плана прошедшего на материале русского, английского и таджикского языков находим в диссертации П. Джамшадова², предложившего выделять следующие элементарные значения:

1) значение аористичности, сопряженное с нейтрализацией противопоставления по виду (ср. Куда ты девал книгу?);

2) значение недифференцированного прошлого (ср. Читали ли вы эту книгу?);

3) значение описательности, связанное со значением неочевидности (ср. В палисаднике станции шумела висячими ветвями большая береза);

4) значение единичного действия (ср. Доктор выходил из избы, опять уже закутанный в шубу и с фуражкой на голове);

¹ Демба Конаре. Структура и семантика глагола (на материале языка бамана). АКД. М., 1983. с. 9.

² Джамшадов П. Вопросы типологии видо-временных систем глагола (на материале таджикского, английского, русского и шугнаиского языков). АДД. М., 1985, с. 10—13.

- 5) значение деятельности, постоянства (Он был холост, держал не то пять, не то шесть кошек);
- 6) значение мгновенного действия;
- 7) значение многократности;
- 8) значение недавнего прошлого (Вот, смотрите, на птичьем рынке покупал по рублю за штуку);
- 9) значение давно минувшего прошлого (Читать Карамзина не буду; я его читывал и прежде);
- 10) значение давнего обыкновения (Я за уши его драла);
- 11) преимущественная значимость действия в прошлом для настоящего (Скалы нависли над морем);
- 12) временное значение, при котором отнесенность к настоящему не менее важна, чем отнесенность к прошлому (Было холодно, я три ночи не спал, измучился и начал сердиться);
- 13) значение действия в прошлом, продолжающегося в настоящем и, возможно, продлевающегося в будущем (Ср. Пропала моя головушка);
- 14) значение усиленного отрицания действия в прошлом (Ср. Нет-с, не пивал и не пью ничего, кроме чаю да воды.);
- 15) грамматическое значение, т. е. «отчетливое присутствие хотя и абстрагированного субъекта речи» (ср. Вор у вора дубинку украл).

Не останавливаясь на правомерности выделения того или иного элементарного значения, отметим, что семантическая классификация временных форм предполагает также установление определенного рода взаимоотношений между перечисленными смыслами, осуществляемое либо на основе выражающих этих смыслов форм, либо на основе логического их анализа.

В литературе существует несколько опытов схематического представления системы времен. И. В. Кормушин, критически рассмотрев попытки своих предшественников, предложил такую классификацию: 1. Прошедшее; 2. Настоящее; 3. Будущее; 4. Плюсквамперфект; 5. Имперфект; 6. Будущее в прошедшем; 7. Перфект; 8. Настоящее; 9. Посленастоящее; 10. Предбудущее; 11. Настоящее в будущем; 12. Послебудущее¹.

¹ Кормушин И. В. Системы времен глагола в алтайских языках. М., Наука, 1984, с. 7.

Наша схема довольно близка к предложенной И. В. Кормушиным. В то же время мы стремились ввести в схему также основные понятия, как момент речи временная ось. Эти концепты используются и в работе Т. И. Дешериевой, но с некоторыми различиями в маркировке времен на оси².

3. Генетический принцип. Здесь формы времени рассматриваются в плане их происхождения. Так, например, Н. К. Дмитриев выделяет причастные формы времени, деепричастные формы времени. Однако следует отметить, что такое деление форм времени носит условный характер, поскольку оно оставляет без внимания своеобразие временных форм, их отличительные черты, выявляемые при сравнении, в плане сопоставления.

Генетическая группировка глагольных форм времени является едва ли не самым сложным аспектом их классификации. Дело в том, что всякое утверждение об истории того или иного явления, не имеющей письменной фиксации представляет собой всего лишь предположение, использующее косвенные свидетельства. Это можно наглядно проиллюстрировать на примере форм на **-ты/-ды**, о происхождении которых высказывались самые различные точки зрения. Две главные концепции восходят к О. Бетлингку, предполагавшему стяжение **-тым** < ***-тык + ым**, и П. М. Мелиоранскому, считавшему эту временную форму исконным показателем отглагольного имени на **-д** или **-ды**. Последняя точка зрения в настоящее время более популярна. Как отмечает И. В. Кормушин, «с гипотезой о происхождении показателя тюркского претерита путем грамматизации глагольного имени на ***т/д** согласуется тождественность его личных окончаний посессивным показателям имени»¹.

Различаются и реконструируемые исследователями системы глагольных времен в целом. Если А. М. Шербак реконструирует ее в виде:

а) собственно временные формы:

форма прошедшего времени (претерит) — ***-ti(γ) ~ *-di(γ)**;

форма настоящего времени — ***-а**;

форма будущего времени — ***-ка(j) ~ *-га(j)**;

б) «вневременные» формы:

² Дешериева Т. И. Исследование..., с. 29.

¹ Кормушин И. В. Указ. соч., с. 16.

форма неограниченного во времени действия (аорист) — *- [a]p;

форма неограниченного во времени состояния (перфект) — *-кан ~ *-ған и *-піш ~ *-біш ~ *міш², то по Б. А. Серебрянникову, эта система выглядела несколько иначе:

настоящее будущее на -р,
настоящее без показателя,
прошедшее на -ді, ~-ді,
прошедшее на -дік (-дік, -дук, -дук)³.

4. **Формальный, морфологический принцип.** По этому принципу выделяются, например, такие группы прошедшего времени, как форма прошедшего времени на -ды, форма прошедшего времени на -ған и т. п.

Среди перечисленных принципов семантический является самым емким и сложным. Рассмотрим подробнее использование этих принципов в приложении к казахскому глаголу.

Составной принцип. По этому принципу формы времени классифируются в соответствии со способом образования и делятся, как уже было сказано, на простые и сложные. К первому типу глагольных времен относятся синтетические формы, ко второму — аналитические. Схематически эти две группы временных форм можно представить следующим образом:

Синтетические	Аналитические
-ды, -ді, -ты, -ті -ған, -ген, -қан, -кен -ып, -іп, -п -атын, -етін, -йтын, -йтін	-ған еді -ып еді -атын еді -ушы еді -п отыр, жүр, жатыр, тұр еді

Такая группировка форм прошедшего времени, как и любая иная, может быть, несколько условна. В то же время следует подчеркнуть, что она не только не была

² Щербак А. М. Указ. соч., с. 94—95.

³ Серебрянников Б. А. Заключительное слово на конференции. В кн.: Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Ашхабад, 1961, с. 214.

в современном казахском языке достаточно четко произведена, но и не рассмотрена достаточно полно в той части, где сосредоточены аналитические формы прошедшего времени. Более того, аналитические формы прошедшего времени в тюркских языках, в том числе и в казахском языке, часто смешиваются то с модальными оттенками основного значения, то с наклонениями. Так, А. Искаков в работе «Современный казахский язык» наряду с формами желательного наклонения называет формы на **-ғы, -м, -ң, --сы, кел, -са игі еді, -са екен**. Автор пишет, что служебные глаголы **еді, екен** лишены временного значения и превратилась в неразложимый формант конструкции¹. В одной из следующих глав, посвященной категории времени, А. Искаков называет те же формы **-са игі еді, -са екен, ғай еді**, которые он определяет как формы, образующие прошедшее переходное время (**не-ғайбыл** или **ауыспалы өткен шақ**)¹. Автор не объясняет, почему одни и те же формы в одном случае могут относиться к категории желательного наклонения, а в другом — времени.

Семантический принцип. По этому принципу формы времен глагола группируются в связи с выражаемым ими значением и его оттенками. Что касается прошедшего времени, то эта категория в нормативных грамматиках современного казахского языка делится на: 1) прошедшее очевидное (**жедел өткен шақ**, что можно было бы перевести как недавно — прошедшее), 2) давно прошедшее время (**бұрынғы өткен шақ**) и прошедшее переходное (**ауыспалы өткен шақ**). Грамматические показатели этих времен суть следующие:

прошедшее очевидное:	-ды, -ді, -ты, -ті,
давнопрошедшее:	-ған, -ген, -қан, -кен еді,
	-ып, -іп, -п еді,
прошедшее переходное:	-атын, етін, -йтын, -йтін.

Следует отметить, что подобная группировка форм прошедшего времени была произведена еще в 1938 году С. Аманжоловым, и с тех пор почти не претерпела изменений, если не считать некоторых различий в терминологии.

¹ Искаков А. Қазіргі қазақ тілі. Морфология. Алматы, 1974, с. 332.

¹ Искаков А. Қазіргі қазақ тілі. Морфология. Алматы, 1974, с. 340.

Так, например, в академической грамматике 1954 года, в работах Г. Абуханова, И. Маманова форма прошедшего времени на **-ып** названа «ежелгі өткен шақ», что является синонимом «бұрынғы өткен шақ» (давнопрошедшее). В 1944 году эта форма была названа Г. Бегалиевым и Н. Сауранбаевым «ескі өткен шақ» что относится к тому же синонимическому ряду.

То же можно сказать и о других формах прошедшего времени. Так, форма на **-атын** также в сочетании с недостаточным глаголом **-е**, называемая в большинстве случаев прошедшим переходным, в монографии И. Маманова получила название «дағдылы өткен шақ», т. е. прошедшее обычное.

Называя ту или иную форму времени соответствующим термином, лингвисты не просто основываются на ранее высказанных суждениях, но и стараются обосновать его, опираясь на определенный принцип. Более выпуклое, доминирующее, по мнению исследователей, значение формы выдвигается в качестве основного, в соответствии с которым и дается предлагаемое наименование, термин. Так, например, Т. Қордабаев в первой в казахском языкознании монографии, посвященной категории времени¹, делит формы прошедшего времени на очевидное и неочевидное, которые в свою очередь располагаются внутри себя на подгруппы. По мнению автора, все зависит от того, что является наиболее характерным для той или иной формы: является ли обозначение действия «заглазным» или нет. Если говорящий сам был очевидцем совершенного или несовершенного в прошлом действия, то такое действие будет выражаться прошедшим очевидным. В противоположном случае будет иметь место указание на модальный оттенок «заглазости». Поэтому, по убеждению исследователя, наиболее подходящей характеристикой форм прошедшего времени должна считаться их интерпретация как форм очевидного и неочевидного прошедшего².

Прошедшее неочевидное Т. Қордабаев делит в свою очередь на очевидное недавнопрошедшее (айғақты жедел өткен шақ) и очевидное давнопрошедшее (айғақты бұрын өткен шақ). К ним относятся соответственно формы

¹ Қордабаевт Т. Қазіргі қазақ тіліндегі естістіктердің шақ категориясы. А., 1953, с. 96.

² Там же стр. 102.

на **-ды** и на **-ған, -атын, -ған еді, -атын еді**. Что касается прошедшего неочвидного, когда очевидцем произошедшего в прошлом действия говорящий не был, и узнал о нем из другого источника, то автор в качестве его показателей выделяет форманты **-ыпты, -ған екен, -са керек, -ған шығар, -ған сияқты, тәрізді** и т. д.

В работе «Современный казахский язык», выпущенной как пособие для вузов, А. Исаков приводит другую группировку форм прошедшего времени. Он их делит на определенное (анық, айғақты) и неопределенное (танық, айғақсыз) неочевидное прошедшее время¹. Автор сохранил принцип классификации Т. Кордабаева, хотя он ввел в обиход несколько новых форм прошедшего времени, соответственно обозначив их терминологически. В общей сложности мы находим у исследователя около двадцати показателей категории прошедшего времени.

А. Исаков совершенно справедливо замечает, что отсутствие научно-обоснованных критериев определения времен и недостаточная изученность ряда тесно соприкасающихся с временем категорий приводят к разноречивым толкованиям в разграничении форм времени и их адекватной классификации¹. И действительно, если говорить о формах прошедшего времени, то они все еще не находят соответствующего отражения в работах ученых и зачастую смешиваются с категорией наклонения.

Своеобразную семантическую классификацию прошедшего времени глаголов казахского языка приводит И. Маманов в своей работе «Современный казахский язык»².

Он делит формы прошедшего времени на пять следующих групп:

1. Жедел өткен шақ **-ды** — прошедшее определенное,
2. бұрынғы өткен шақ **-ған** — давнопрошедшее,
3. ежелгі өткен шақ, **-ыпты** — давнопрошедшее,
4. дағдылы өткен шақ **-атын, -ушы еді** — прошедшее обычное,
5. қатысты өткен шақ **-ып еді, -ған еді, отыр, тұр, жатыр, жүр еді** — относительное прошедшее.

Обращают на себя внимание два последних термина. По определению автора, «прошедшее обычное время — это форма глагола, выражающая обыденное действие; что касается прошедшего относительного, то оно обозна-

¹ Исаков А. Қазіргі қазақ тілі. Морфология А., 1974, с. 334.

² Там же. стр. 335.

³ Маманов И. Қазіргі қазақ тілі. Етістік. А., 1966, с. 132.

чает, что действие совершено в прошлом и в то же время возможно его применение в качестве фона другого действия, происходящего одновременно с первым или во всяком случае в момент совершения его»¹.

Выделение И. Мамановым этих двух форм прошедшего времени и определение их, в отличие от других исследователей, именно с помощью данных терминов объясняется, по-видимому, тем же выбором основного значения формы, на основе которого автор и дает им названия.

Разнообразие терминологии для одних и тех же форм времени наблюдается в работах многих тюркологов. Это вполне естественно, ибо в каждом языке эти формы имеют свою определенную специфику, как и сами термины, имеют свою субъективную окраску, наблюдаемую исследователем.

Ознакомление с перечнем форм прошедшего времени показывает не только разнообразие их наименования, но и частое смешение категории времени с другими глагольными категориями, а именно с модальными формами. Для большинства работ характерно и то, что «в них не ставится вопрос о взаимоотношении существующих форм в языке, об общем и различном в их значении и употреблений»².

Более или менее едины исследователи в отношении общетюркской формы на **-ды**. И это вполне понятно, если иметь в виду, что она наиболее общий, не допускающий никакой модальности, выразитель прошедшего действия, наиболее определенный и абсолютный показатель прошедшего времени. В работах казахских авторов прошедшее время на **-ды** имеет следующие определения: 1) «Этот вид прошедшего времени обозначает действие, происходившее в недавнем прошлом»³, 2) «эта форма прошедшего времени передает такое действие, которое совершилось непосредственно перед тем, как о том было сообщено — перед моментом речи»⁴.

Как видно из приведенных здесь высказываний казахских лингвистов, сущность всех определений прошедшего времени на **-ды** сводится к подчеркиванию того,

¹ Там же, стр. 134—135.

² Коклянова А. А. Категория времени в современном узбекском языке. Изд-во АН СССР. М., 1963, стр. 74.

³ Бектуров Ш., Сергалиев М. Қазақ тілі. А., 1978, стр. 94.

⁴ Қазақ тілінің грамматикасы. Морфология. А., 1967, стр. 198.

что действие совершилось незадолго до момента речи. Обо всех других оттенках этой формы, которые, по нашему наблюдению, безусловно существуют, исследователи обычно не говорят.

Между тем, если мы обратимся к контекстуальным оттенкам прошедшего времени — на **-ды** или сравним эту форму в казахском языке с аналогичными формами в других тюркских языках, то нетрудно убедиться, что аффикс **-ды**, хотя и употребляется в целом для выражения конкретного действия, имевшего место в прошлом, тем не менее он имеет ряд оттенков в основном своем значении. Так, например, глагол с этим аффиксом, иначе говоря, форма на **-ды**, употребляется не только для обозначения недавно происходившего действия, скажем, совершенного несколько дней, несколько часов и т. д. назад, но и передает такое действие, которое имело место давно или очень давно.

Поэтому следует признать, что термин принятый в казахском языкознании «**жедел өткен шақ**», соответствующий по значению принятым в тюркологических работах, написанных на русском языке, терминам «достоверное», «категорическое», «определенное», далеко не является наиболее подходящим и единственно приемлемым.

Некоторая однобокость наблюдается также в определениях форм прошедшего времени на **-ған** и **-ып**. В работах по казахским глагольным временам встречаются, например, такие определения и высказывания:

1) «Давнопрошедшим временем называется такая форма глагола, которая передает действие, совершенное в прошлом, очевидцем которого был говорящий, но неосознанное в момент совершения, а обнаруженное лишь в настоящий момент;¹ 2) согласно второму определению, эта форма времени передает действие, совершенное в далеком прошлом, в незапамятные времена².

Как видно из приведенных определений, общим для них является стремление определить, насколько отдалено время совершения происходившего действия от момента речи, и на этой основе дать ему то или иное наименование. Другие оттенки этих форм прошедшего времени остаются без внимания. Между тем, такими оттенками

¹ Бектуров Ш., Серғалиев М. Қазақ тілі. А., 1979, стр. 94.

² Қазақ тілінің грамматикасы. Морфология. А., 1967, стр. 198.

эти формы прошедшего времени наделены до такой степени богато, что пройти мимо них и не заметить невозможно. Так, например, достоверные, очевидные в далеком прошлом или не очень далеком прошлом действия, передаваемые формой на **-ған**, могут выступать в качестве грамматического синонима прошедшего категорического времени на **-ды**. Безусловно, прошедшее на **-ған** в семантическом плане не полностью совпадает с формой на **-ды**. Различие заключается здесь в том, что для формы на **-ған** основным содержанием времени является не столько само действие, сколько его результат, а форма на **-ды** выражает лишь тот факт, что действие произошло, совершилось в прошлом. Та и другая форма могут сосуществовать постольку, поскольку выражают сходное значение, различаясь в оттенках передаваемых ими этих сходных значений.

Прошедшее на **-ған** имеет еще ряд смысловых граней, что послужило основанием для появления в грамматиках тюркских языков различных их наименований: прошедшее определенное (Н. А. Баскаков), прошедшее настоящее (Н. К. Дмитриев), прошедшее перфективное (А. Н. Кононов), прошедшее результативное (А. М. Шербак), прошедшее неопределенное (Б. О. Орузбаева). Таким образом, в результате проведенного обзора можно прийти к следующим выводам:

1. Определения, данные различным формам прошедшего времени, глагола в учебниках и отдельных исследованиях, не соответствуют современному уровню языкознания. В этих работах недостаточно полно раскрыта грамматическая природа прошедшего времени.

2. Терминология, обслуживающая формы прошедшего времени, нуждается в пересмотре. Термины должны удовлетворять требованиям как семантики, так и форм прошедшего времени. Поэтому деление их на конкретное или давно и недавно прошедшее, исходя из отдаленности совершения действия от момента речи, не оправдывает себя. Такое деление форм прошедшего времени препятствует распознаванию того, чем обусловлено различие оттенков, казалось бы, идентичных временных значений.

3. Число форм прошедшего времени в современном казахском языке также не установлено более или менее конкретно, и этот вопрос пока однозначного ответа не имеет. Количество этих форм в учебниках и других рабо-

тах по казахским глагольным временам колеблется сейчас от шести до двадцати.

4. Одним из самых спорных и нерешенных вопросов категории прошедшего времени в казахском языке является статус аналитических форм этой категории. Какие конструкции относятся к аналитическим формам прошедшего времени и каковы критерии их выделения — этот вопрос ждет своего безотлагательного разрешения. Так же широка амплитуда колебаний в определении сложных форм прошедшего времени.

5. Там, где употребление некоторых форм прошедшего времени обусловлено определенным модальным оттенком, исследователи часто смешивают время с наклоном. Следует признать, что рассмотрение таких форм одновременно как в связи с категорией времени, так и в связи с категорией наклона неправомерно хотя бы потому, что время и наклонение относятся к совершенно различным категориям. Отличия или точки соприкосновения этих двух категорий следует искать не в плане материальных сближений, а путем выяснения возможных семантических сдвигов. С другой стороны, недостаточно четкое формальное различие между категориями времени и наклона не может являться достаточным основанием для того, чтобы усмотреть что-либо существенное в функционировании той или иной формы времени в качестве формы наклона.

ГЛАВА I

ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ИНДИКАТИВА В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

1. СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СПРЯЖЕНИЯ (ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ)

Категория прошедшего времени в тюркских языках отличается от других форм времени структурным многообразием и сложностью семантики. Эту особенность данной категории можно увидеть в формах спряжения.

Спряжение форм прошедшего времени в казахском языке, как и в других тюркских, подразделяется на два типа. Хотя принципиальных расхождений в спряжении различных тюркских языков не обнаруживается, тем не менее нельзя пренебрегать отдельными, казалось бы, незначительными различиями и особенностями, присущими тому или иному языку. Спряжение, как и любая другая морфологическая категория, выражающая те или иные лексические или грамматические отношения, не одинаково для всех тюркских языков¹. Определенные особенности присущи и спряжению языков кипчакской группы, в том числе казахского языка.

¹ Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1977, с. 216.

Способы описания форм прошедшего времени зависят от содержания поставленной задачи. В настоящем исследовании ставится задача последовательного сравнительно-исторического изучения языков, ибо только так можно обеспечить необходимую степень достоверности выводов о становлении системы спряжения в казахском языке.

В имеющейся литературе содержится несколько опытов реконструкции общетюркской системы временных форм. По А. М. Щербак, она включала следующие единицы: прошедшее время на **-ti(γ) ~ -di(γ)*; настоящее время на **-a*; будущее время на **-ka(j) ~ -fa(j)*; неограниченное во времени состояние (перфект) на **-кан ~ *-ған* и **-піш ~ *-біш ~ *міш*¹. Несколько иначе подходит к общетюркской система глагольного времен Б. А. Серебренников, выделяющий четыре временные формы: 1) настоящее-будущее с показателем *-а, -ы* типа каз. *бар-а-мын* «я иду»; 2) настоящее-будущее с показателем *-ар, -ыр* типа *алырмын* «я беру» или «я возьму»; 3) прошедшее с показателем *-ды, -ты (-ди, -ти)* типа *алдым* «я взял»; 4) неопределенный имперфект типа *алырдым* «я брал постоянно». Все остальные модели, по мнению Б. А. Серебренникова, возникли уже после распада общетюркского проязыка². Оригинальные гипотезы об общетюркской системе спряжения высказываются и в работах других тюркологов.

Анализ имеющихся материалов в сравнительном и историческом планах дает возможность выделить некоторые временные формы, которые более или менее уверенно можно отнести к числу древнейших и, безусловно, общетюркских форм. К ним относятся: прошедшее категорическое на *-ды*, прошедшее результативное на *-ған* (с вариантом *-мыш*), настоящее или настоящее-будущее, на *-а*, будущее предположительное на *-ар*. Эти формы еще довольно отдаленный исторический период претерпели соответствующие трансформации в различных родственных языках тюркской семьи. Естественно, что в современных языках не только передаваемое этими единицами грамматическое содержание, но и сами формы спряжения далеко неодинаковы. В силу этого мы остановимся в

¹ Щербак А. М. Указ. соч., с. 94—95.

² Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку: Маариф, 1979, с. 205.

нашей работе на каждой из названных форм, чтобы раскрыть особенности их грамматической природы и своеобразие их развития.

Форма прошедшего времени на **-ды** встречается во всех тюркских языках и является одной из древнейших форм. Как отмечает И. В. Кормушин, «это бесспорно самая древняя финитная глагольная форма»¹. Она спрягается по типу так называемого второго спряжения и внешне не отличается от притяжательного аффикса. По-видимому, именно по этой причине в тюркологии спорили и спорят о происхождении этого аффикса. Нам представляется приемлемыми высказывания таких исследователей, как Н. А. Баскаков, П. И. Кузнецов, которые расходятся во взглядах по этому вопросу с учеными, возводящими форму на **-ды** к притяжательному аффиксу. Как известно, притяжательный аффикс охватывает все три лица, тогда как форма прошедшего времени на **-ды** осложняется аффиксом принадлежности только в первом и втором лицах. В связи с этим может возникнуть вопрос, с чем же мы можем связывать в таком случае показатель I лица множественного числа?

Правомерность такого подхода подтверждается при сравнении формы спряжения с аффиксом **-ды** формы спряжения условного наклонения. Так, например, в сочинении Юсуфе Баласагунского «Кутадгу билиг» и Словаре М. Кашгарского встречаются параллельно полная и сокращенная формы показателя лица: **барса-ман**, **барса-м**. Полная форма показателя лица в этих памятниках не имеет ничего общего с притяжательным аффиксом.

Спряжение формы прошедшего времени на **-ды** в казахском языке практически не отличается от спряжения глаголов второго типа спряжения.

В качестве аффикса I лица единственного числа формы прошедшего времени на **-ды** выступает аффикс **-м**. Это единственный в тюркских языках показатель лица, встречающийся без каких-либо вариантов. Из старописьменных памятников только у Абу-Хайяна встречаются полный и стяженный варианты этого аффикса: **калду-м** — **калду-ман**. В I лице множественного числа в качестве аффикса, обозначающего лицо, выступает аффикс **-к (-к)**, который наблюдается также в формах условно-желательного наклонения (**-Са + к, -се + к**). С функциональной

¹ Кормушин И. В. Указ. соч., с. 9.

точки зрения этот аффикс соотносится с **-мыз (-міз)**. В некоторых тюркских языках параллельно с **-к** употребляется аффикс **-быс**, например, в языках кыпчакской группы, в барабинском диалекте татарского языка, в аргаяшском говоре башкирского языка. Аффикс — **быс** в этих языках в свою очередь может осложняться показателем множественного числа **-лар (-ләр)**¹.

Как известно, в древнетюркских языках показателем I лица множественного числа выступает аффикс **-мыз**. В древнеуйгурских письменных памятниках множественное число I лица прошедшего времени употреблялось только в этой форме, которая активно функционировала до начала XIV века. У Абу-Хайяна параллельно употребляются формы на **-к, -клар, -мыз**.

По мнению ряда исследователей, показатель I лица множественного числа **-к** является плодом более позднего периода развития тюркских языков. Однако начиная со средневековых тюркских письменных памятников употребление этой формы принимает постоянный характер. В таких письменных памятниках, как «Кодекс Куманикус», «Ат-тухва», «Тарджуман», «Хусрау-Ширин», а также Ибн-Муханни используется только аффикс **-к**. Сравнительно-историческое изучение форм спряжения I лица множественного числа прошедшего времени на **-ды** в древнетюркских и современных тюркских языках позволяет сделать следующие краткие выводы:

а) аффикс I лица множественного числа **-к**, характерный для подавляющего большинства тюркских языков, является показателем, вытеснившим и принявшим функцию древнетюркского аффикса **-мыз**;

б) древнетюркская форма I лица множественного числа **-мыз** встречается в современных хакасском, шорском, тувинском, тораларско, учлимско-тюркском, камасинском, якутском и чувашском языках. Встречаются также языки, в которых и теперь употребляются как древний, так и новый показатели множественного числа I лица. К ним относятся алтайский из киргизско-кыпчакской группы, барабинский диалект татарского языка и башкирский из кыпчакской группы.

Другой проблемой, связанной с формой множественного числа I лица прошедшего времени на **-ды**, вызываю-

¹ Юсупов Ф. Ю. Изучение татарского глагола. Казань: Татарское книжное издательство, 1986, с. 101.

щей различные подходы исследователей и множество гипотез, является проблема происхождения этой формы и ее первичного грамматического значения. К настоящему времени накопилось много публикаций, содержащих разносторонний анализ существующих точек зрения на природу данной формы. Об этом подробнее пойдет речь несколько позже. Что касается семантики формы I лица множественного числа прошедшего времени на **-ды**, то следует сказать, что эволюция ее также была предметом пристального внимания исследователей. А. Н. Кононов в свое время писал: «Совершенно бесспорным следует признать использование аффикса **-к, -к** для выражения парности, двойственности, связанной с неотчуждаемой принадлежностью (парные части тела). Следовательно, на этом основании можно установить, что аффикс **-к, -к** есть формант, выражающий принадлежность в двойственно-собирательном значении, т. е., другими словами, это аффикс принадлежности множественного числа в современном понимании этого термина»¹.

Поддерживая мнение А. Н. Кононова, М. З. Зайнуллин приводит пример из некоторых говоров башкирского языка, где I лицо множественного числа изъявительного наклонения образуется двумя аффиксами множественности: **-к + лар**. При этом, как указывает автор, аффикс множественного числа присоединяется обычно в случае обращения к группе людей: **кайттыктармы, ипташтар?** — **Кайттыктар** (давайте пойдём (или пошли), товарищи — (давайте) пойдём). Таким образом, М. З. Зайнуллин приходит к заключению о том, что «аффикс **-к (к)** первоначально имел значение двойственного числа»². Нам кажется, что автор здесь не учитывает то обстоятельство, что такое употребление связано с определенными стилистическими потребностями и не вытекает из природы самой формы. Подобное использование формы прошедшего времени представляет собой частный случай широко распространенного в тюркских языках явления транспозиции форм.

М. Г. Томанов не находит достаточного основания для

¹ Кононов А. Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. В кн.: Тюркологический сборник, 1, М.-Л., 1951, с. 118.

² Зайнуллин М. З. Категория времени глагола изъявительного наклонения в современном башкирском языке. АҚД, Казань, 1963, с. 10.

того, чтобы связывать форму на **-к** ни с притяжательным аффиксом, ни с личным местоимением. Он предлагает, опираясь на материалы М. Кашгарского, считать аффикс **-к, -к** рудиментом аффикса **-дук, дук**, «Этот формант употребляется первоначально в составе **-дук** одинаково для всех трех лиц в единственном и множественном числах, впоследствии сохранился в первом и третьем лицах, а во втором лице присоединялся к форме **-дык, -дук (-ыз)**. Постепенно, видимо аффикс **-к, -к** в составе **-дук** редуцировался и сохранился лишь в I лице множественного числа»¹. Это предложение совпадает с мнением Н. А. Баскакова, а именно с первой частью следующего его высказывания, где он пишет: «Либо форма **ал-дыкь** представляет собой фонетически полную основу спряжения прошедшего времени на **-ды...** без оформления ее аффиксами лица — аналогией в этом отношении может служить, например, должностная форма на **-малы** в туркменском языке, которая не имеет аффикса лица, как правило, в первом лице единственного числа... и факультативно в I лице мн. ч., либо форма **алдыгь** является стяженной формой, исторически восходящей к фонетически полной форме **ал-дыгь-лыкь**»².

В другой своей работе М. Т. Томанов рассматривает аффикс **-к** в качестве древнего показателя множественного числа³.

В языке древнетюркских письменных памятников показателем второго лица единственного числа был аффикс **-ң**. Только в памятнике в честь Культегина встречается вариант **-ғ, -г**. В средневековых письменных памятниках в качестве показателя второго лица единственного числа встречаются аффиксы **-ң, -н, -ңг**. У М. Кашгарского мы можем встретить форму на **-ғ**, что является особенностью языка аргу⁴.

Второе лицо множественного числа прошедшего времени на **-ды** в казахском языке встречаются в вариантах **-ңыздар, -ңиздер», -ңдар, -ңдер**. В использовании вежли-

¹ Томанов М. Т. Етістіктің шақ тұлғаларының қалыптасуы туралы. В кн. Қазақ тілі мен әдебиеті, 1-шығуы, 1973, с. 81.

² Баскаков Н. А. Причастие на -ды, -ты в тюркских языках.— Труды МИВ, вып. 6. М., 1951, с. 276.

³ Томанов М. Т. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. Алматы, 1981, с. 146.

⁴ Махмуд Кашгарий. Девону лугат ит-турк. Ташкент, 1961, 11 том, с. 194.

вой формы множественного числа второго лица казахский язык опять таки примыкает из кыпчакской группы к каракалпакскому языку. В других языках кыпчакской группы вежливая форма второго лица единственного числа этих языков употребляется для передачи множественности. Такое употребление своими корнями уходит в глубокую древность.

В орхоно-енисейских письменных памятниках второе лицо множественного числа выражалось формой на **-ңыз** (в памятнике в честь Куль-тегина **-ғыз**). В древнеуйгурских письменных памятниках иногда встречается форма на **-ңыздар**. Этот период в некоторых тюркских языках мог быть периодом параллельного употребления данного аффикса и в значении вежливой формы второго лица единственного числа. На наличие такого явления указывал и М. Кашгарский. В средневековых письменных памятниках передаче формой на **-ңыз** значения множественности была ее основной функцией. В «Тарджумане», «Ат-тухва» она употреблялась только в значении второго лица множественного числа. Некоторые отличия находим у Ибн-Муханна и Абу-Хайяна. У первого второе лицо множественного числа встречается в следующих формах: **-нгыз, -з, -ныгыз, -нглр, -нгизлар**. Причем формы **-нгизлар, -нглр** встречаются реже. В «Ал-идрак» Абу-Хайяна указывается на два варианта второго лица множественного числа: **-низ, низлар**. По мнению автора, аффикс **-лар** к форманту **-низ** присоединяется для определенных стилистических целей.

В современном казахском языке второе лицо множественного числа имеет формы **-ңыздар** и **-ндар**. В устном народном творчестве употребляются параллельные формы **-ндар** и **-ңыз**, «Этот факт,— пишет М. Т. Томанов,— доказывает, с одной стороны, что язык устного народного творчества больше сохраняет в себе следы старого, а с другой — что эти формы определенный промежуток употреблялись параллельно»¹.

Таким образом, древнетюркские письменные памятники, язык устного народного творчества и современные языковые факты позволяют сделать следующие выводы: а) основным показателем второго лица мн. числа прошедшего времени на **-ды** является аффикс **-ңыз**. Это

¹ Томанов М. Т. Казак тілінің тарихи грамматикасы. Алматы, 1981, с. 146.

форма, прошедшая долгий исторический путь, широко употребляется в таких современных тюркских языках, как башкирский, татарский, карачаево-балкарский, кумыкский, ногайский, крымско-татарский. В ходе развития языка этот аффикс стал употребляться параллельно также в функции вежливой формы второго лица единственного числа; б) в результате дальнейшей эволюции этого процесса форма на **-ңыз** стала приобретать в некоторых языках (в карлукских языках, казахском, каракалпакском) новую функцию — выражение значения только второго лица единственного числа.

Третье лицо единственного числа прошедшего времени на **-ды** в казахском языке имеет общую для всех языков кыпчакской группы форму. В этих языках данное лицо лишено специального показателя. Что касается множественного числа третьего лица формы прошедшего на **-ды**, то кыпчакские языки передают эту форму двояко: с помощью специального аффикса множественного числа **-лар** и без него. К группе языков, использующих аффикс **-лар** для выражения множественного числа в третьем лице, относятся татарский, башкирский, караимский, кумыкский, карачаево-балкарский, ногайский и крымско-татарский языки. Казахский язык, в котором отсутствует показатель данного лица, примыкает к каракалпакскому языку. Использование показателя множественного **-лар** в третьем лице множественного числа характерно для подавляющего большинства языков кыпчакской группы.

Форма прошедшего времени на **-ған (-ген, -қан, -кен)** в основном характерна для кыпчакской и карлукско-уйгурской группы тюркских языков. Тем не менее многие тюркологи проецируют эту морфологическую единицу на общетюркский хронологический уровень, поскольку в языках огузской группы обнаруживаются следы формы на **«-ған»**¹. Происхождение этой формы связывают с причастием: «В основе этого времени лежит причастие на **-қан, -кан, -ған, -ган**. Это причастие способно обозначать результат действия, ср. тат. **кил'гән** «пришедший», **алған** «взявший» и т. д.»². Сравнительное изучение форм ее типа спряжения, разделяя таким образом, и языки на три соответствующие группы. К первой группе языков

¹ Щербак А. М. Указ. соч., с. 92.

² Серебренников Б. А. Гаджиева Н. З. Указ. соч., с. 184.

относятся сарарский, язык желтых уйгуров, некоторые говоры татарского языка, где прошедшее время на **-ган** спрягается без помощи аффиксов спряжения. Ко второй группе относятся языки, отличающиеся аналитической формой спряжения. Это тувинский и тофаларский языки. Спряжение прошедшего на **-ган** с помощью аффиксов — показателей лица свойственно группе языков — кыпчакской и карлукской. Казахский язык относится к этой третьей группе, но отличается от других ее представителей некоторыми особенностями.

Первое лицо единственного числа прошедшего времени на **-ган** в казахском языке оформляется аффиксом **-мын**. Здесь казахский язык не выделяется среди других тюркских языков. Однако эта форма встречается также в усеченном варианте: **айтқанмын**, но и **айтқам**, что, впрочем, является исключительно достоянием просторечия, разговорной речи. Как показывают факты литературного языка, форма прошедшего времени на **-ган** имеет следующие три варианта спряжения: **айтқанмын** — **айтқамын** — **айтқам** «я говорил», то есть полный и усеченный варианты.

Ия, соңғы хатыңды алғанмын. Тағы да шақырып жазған екенсің. (С. Жүнісов) — Да, последнее твое письмо я получил. Ты меня туда опять звал». Келіншек түсіретінімді нағашы әжеме ғана айтқам. (М. Мағауин) — «Я только бабушке говорил о том, что сватаю невесту».

Такое употребление I лица единственного числа свойственно в основном разговорной речи. Оно присуще тюркским языкам вообще и встречается издавна. Как правило, при усеченном варианте конечный согласный основы на **-ган** подвергается редукции в I лице единственного и множественного числа, а в III лице употребляется обычно полный вариант. Усеченный вариант спряжения вызван, по-видимому, тенденцией языка стремиться к экономии, упрощению произношения, иначе говоря, к удобопроизносимости. Нормы произношения, просторечия становясь всеобщими и частными, превращаются в конечном итоге в литературную норму. По этому поводу Г. Пауль пишет: «Подлинной причиной изменения узуса является не что иное, как обычная речевая деятельность»¹. Так, в романе М. Ауэзова «Путь Абая» первый тип спряжения с показателем лица первой группы **-мын (-ғанмын)**

¹ Пауль Г. Принципы истории языка, М., 1960, с. 53.

встречается 4 раза, а форма **-гамын** — 13 раз, усеченная же форма **-гам** — 113 раз¹. В автобиографическом произведении К. Байсеитова «Құштар көңіл» («Увлеченная душа») первое лицо единственного числа прошедшего времени на **-ған** встречается 11 раз и все 11 раз она употреблена в усеченной форме **-гам**: «Мен сол кезде командировкамен Ленинградта жүргем» (К. Байсеитов) — «В то время я был в Ленинграде в командировке».

Факты современных тюркских языков показывают также, что первое лицо единственного числа прошедшего времени на **-ған** и здесь имеет усеченную форму. Так, например, тип спряжения, осуществляемый присоединением аффиксов лица к усеченной основе на **-ған** > **-ға** встречается в татарских диалектах, например, в барабинском, а также в говоре сафакульских татар, сформировавшегося под сильным влиянием восточного диалекта башкирского языка и других³. Такая же усеченная форма спряжения характерна для говоров восточного диалекта башкирского языка, шорского, хакасского, киргизского и алтайского языков. В тюркских письменных памятниках XIII—XIV вв. первое лицо единственного числа прошедшего времени на **-ған** имеет форму **-ғанмен**: Тақы хакикатда мен қорқутғанмен. (Тефсир). В языке казахской поэзии XV—XVIII вв. параллельно с полной формой встречается и усеченная форма на **-гамын** (Сыздыкова, 1984, с. 50). Следует сказать, что форма I лица единственного числа **-ғанмын** очень редко употребляется как в современных, так и в древнетюркских письменных памятниках.

Отрицательная форма прошедшего времени на **-ған** образуется посредством аффикса глагольного отрицания, который присоединяется к основе глагола: **бар-ма-ған**, **кел-ме-ген**. Вместе с тем отрицательная форма может быть образована и аналитическим способом: сочетанием основы глагола на **-ған** с модально-предикативным словом **жоқ** «нет», «не имеется», а также словом **емес**, соответствующим отрицательной частице «не» в русском языке. Во всех случаях к отрицательной форме могут присоединяться аффиксы — показатели лица. Различие

¹ Мырзабеков С. Статистико-Лингвистический анализ структуры глагола современного казахского языка (По роману М. Ауэзова «Путь Абая»). А.-А., 1973, АКД, стр. 26.

³ Юсупов Ф. Ю. Изучение татарского глагола, Казань, 1986, стр. 115.

между этими формами отрицания заключается в том, что одни, например синтетическая форма с аффиксом отрицания **-ма, -ме**, выражает отрицание в «чистом» виде, без каких-либо модальных оттенков, а другие, например, аналитическая со словом **жоқ**, позволяет выразить отрицание в более категорической форме. В разговорной речи часто встречаются также стяженные варианты показателей лица при отрицательной форме: **-ма + ғам, -ғам жоқ, -ғаным жоқ, -ғаным жоқ**. Приведем некоторые примеры:

Бирақ ол жерде бұның ешбірін де ойыма алған жоқпын. (М. Әуезов) — «Однако там я ни об одном из них и не думал». Өз жүрегімді бұл турада әлі сынап, тексеріп болғаным жоқ. (С. Ғаббасов). — «Свое сердце я в этом отношении еще не проверил, не испытал».

У одного и того же автора в одном и том же его произведении эти формы отрицания встречаются параллельно, они могут быть взаимозаменяемы, за исключением лишь особых стилистических случаев. Одни формы у одного автора могут быть употреблены чаще, у другого реже. Для одного и того же автора некоторые формы отрицания могут быть предпочтительнее, другие — нет. Так, например, у С. Жунусова, в его произведении «Дочь, тебе говорю», форма на **-ғам жоқ** встречается 5 раз, **-ғаным жоқ** — 3 раза и лишь один раз — форма **-ған жоқпын**.

Начиная с древнетюркских памятников XV века отрицательная форма I лица единственного числа прошедшего времени на **-ған** образуется тремя способами: с помощью аффиксов отрицания **-ма, -ме**, формой **-ған емес** и формой **-ғаным жоқ**¹. Те же формы употребляются в современных тюркских языках — в узбекском и его говорах, ногайском, уйгурском, в татарском и его диалектах².

В заключение сравнительно-исторического анализа различных типов спряжения I лица единственного числа в положительной и отрицательной формах следует подчеркнуть, что полная и стяженная формы про-

¹ Шукуров Ш. Наклонения и времена в письменных памятниках узбекского языка в сравнительном освещении. АДД. Ташкент, 1974, стр. 94.

² Тумашева Д. Г. Система глагольных времен в говоре барбинских татар. В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. IV. Баку, 1956, стр. 70.

шедшего на **-ған** в разные эпохи развития тюркских языков употреблялись параллельно. На эту же особенность спряжения данной формы указывал в свое время и П. М. Мелиоранский. Он писал, что звук «Н» аффикса причастия на **-ған** иногда исчезает перед звуками «м» и «с», показателя лица (**-ман, -сын**) и тогда, например, комгонмун превращается в комгомун, екенсің в екесін, екенмін — в екемін. В оборотах барғаным бар «Я ходил», есіткенім жоқ «я не слышал» выпадают последний звук причастия и первый звук показателя лица (**бар-ға-н-ы-м**), так что форма уже имеет стяженный вариант: барғам жоқ «не ходил»¹.

Первое лицо единственного числа прошедшего времени на **-ған** в казахском языке отличается от других форм спряжения разнообразием своих вариантов, которые одинаково часто употребляются как в литературном языке, так и в разговорной речи.

В казахском языке показателем 1 лица множественного числа прошедшего времени на **-ған** является аффикс **-быз**. В тюркских языках этот аффикс встречается в вариантах **-мыс** (в шорском), **-миз** (в узб.), **-ман** (ногайск), **-мыз** (каракалп, крымско-тат.). Лишь алтайский язык отличается параллельным употреблением аффиксов **-быс** и **-ык**.

В казахском языке, в разговорной речи, встречаются стяженный вариант этой формы **-ғамыз, -геміз**: Театрға, өнер комитетіне телеграмма бергеміз. (Қ. Байсейітов).— «Мы давали телеграмму в театр, в комитет искусства». Однако стяженная форма постепенно стала употребляться все чаще и в художественных произведениях. Так, в романе М. Ауэзова «Путь Абая», форма **-ғанбыз** встречается 8 раз, тогда как **-ғамыз** — 28². В произведении Қ. Байсеитова «Құштар көңіл» первая форма встречается один раз, вторая, стяженная — 9 раз.

Первое лицо множественного числа прошедшего на **-ған** имеет также, как и единственная форма, три варианта, а в разговорной речи наряду с формой **-ған жоқпыз** встречается форма **-ғанымыз жоқ** и **-ғамыз жоқ**.

Жұрт тарап, онаша қалдық. Тіл қатысқамыз жоқ. (Ө. Бекеев).— «Люди ушли, и мы остались одни. Ни

¹ Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского, ч. 1. СПб. 1894, стр. 63.

² Мырзабеков С. Статистико-Лингвистический анализ структуры глагола современного казахского языка. АКД, А.-А., 1973, стр. 26.

словом не обмолвились»; Сонан соң еркектерге, шешелеріне «төртеуіміз бір жаттық, ештеңе көргеніміз жоқ»,— депті. (М. Әуезов)— «Потом сказали мужчинам и матерям, что они легли вчетвером и ничего не видели»; Оның үстіне қайда апаратынымызды, жүгін қайтетінімізді ешбіріміз айтқан жоқпыз. (М. Ауэзов).— «К тому же, никто из нас не сказал, куда повезем их, покажу, что с ней будем делать»; Бір сабақ жіптеріңді алғамыз жоқ. (М. Әуезов.) «Мы не брали ни одного мотка вашей нитки».

Как видно из этих примеров, три разных формы первого лица множественного числа в последних трех предложениях встречаются параллельно в одном рассказе М. Ауэзова.

Материалы письменных памятников говорят о том, что такое употребление унаследовано от древних тюркских языков. Форма **-ғанымыз жоқ**, например, встречается в «Шеджирейи тюрк»: Без хеч йаманлык қылғанымыз йоқ «Мы не сделали ничего дурного».

Второе лицо единственного числа прошедшего времени на **-ған** в казахском языке имеет форму **-сын, -сің**, вежливая форма **-сыз, -сіз**. Именно по оформлению вежливой формы второго лица единственного числа прошедшего на **-ған** казахский язык примыкает, наряду с каракалпакским, к киргизскому, узбекскому и уйгурскому языкам. В средние века показателем II лица единственного числа прошедшего на **-ған** был аффикс **-сен**. От него далее развивались другие фонетические варианты: Ақлу жан аламыға ишқ отыны **салғансен**. (Лутф).

Множественное число II лица в казахском языке образуется с помощью аффикса **-сындар, -сіндер**, вежливая форма **-сыздар, -сіздер**. И здесь, в способе передачи вежливой формы II лица, казахский язык не отличается от других тюркских.

Как и в других тюркских языках, третье лицо прошедшего времени на **-ған** не имеет в казахском языке специального показателя. Только в карачаево-балкарском языке имеется форма с показателем третьего лица **-ды: бар-ған-ды**. Что касается множественного числа III лица, то тюркские языки можно разделить по способу передачи этой формы на две группы: языки, в которых III лицо мн. числа образуется при помощи аффикса множественности **-лар**, и языки, которые для

передачи этой формы не имеют специального показателя лица. К последним относится и казахский язык, который примыкает в кыпчакской группе тюркских языков к каракалпакскому, а в карлукской — к уйгурскому языку, в киргизско-кыпчакской — к киргизскому языку. Использование специального аффикса **-лар** — показателя множественного числа характерно для карачаево-балкарского, кумыкского, башкирского и татарского языков. История такого употребления уходит в глубокую древность.

Третье лицо единственного числа не имело специального показателя, но иногда употреблялось в сочетании со словами **эрур, турур (дур), ол** и др. Например: Тәңри таала билген эрур (Тефсир). В «Диване» М. Кашгарского эта форма встречается в сочетании со словом **ол**: Ол ебин безстган ол (МК). Употребление со словом **турур (дурур)** встречается у Рабгузи, в «Шеджирей тюрк» и «Шеджирей таракима»: «Арыгларны улаш эмгекде тутган турур». (Рабгузи). Менин йети атам ушбу йуртта өткен турур («Шеджирей тюрк») Падшахлык атандын сеңе мерас калган турур. («Шеджирей таракима»). Начиная с XV века форма третьего лица единственного числа прошедшего на **-ган** все чаще встречается формантом **-дур, -дүр**.

По тем особенностям, которые обнаруживаются при изучении формы прошедшего времени на **-ып**, казахский язык входит в одну группу с ногайским и каракалпакским языками. Первое лицо единственного числа от этой формы в казахском языке образуется с помощью аффикса **-пын, -пін**. В просторечии встречается форма **-тым -тім**: Ұмытып кетіппін «Я забыл», Ұйықтап қалыппын «Я заснул»¹. В различных тюркских языках эта форма употребляется в разных вариантах: қалып-тыр-мен (тувинский), барып-тыр-ым (алтайский), барып-тыр-мын (киргизский), йезип-тимән (уйгурский), аннап-тыр-бын (хакасский), айнап-тыр-ым (шорский), язып-дыр-ын (туркменский). В таких письменных памятниках, как «Қиссас ул-анбия», «Огузнама», в «Шеджирей тюрк» и «Шеджирей таракима» встречается форма **-б-турур-мен**: Анын учун Туман ат койуб турур мән ким (Шеджирей

¹ Омарбеков С. Халық тіліндегі ежелгі өткен шак формасы. Қазақ тілі грамматикасы бойынша зерттеулер. Алматы, 1975, стр. 219—220.

таракима»). Начиная с XIV века все чаще употребляется сокращенная форма -б-тур-мен. В «Кодексе» мы встречаем уже вариант -п-тур-мен, в «Ат-тухва», — иб+тир+мен, который сохранился в ряде современных тюркских языков — в киргизском, туркменском, хакасском, шорском, алтайском. Форма **-б-мен**, начавшая активно употребляться с XV века, встречается в современных казахском, каракалпакском, ногайском и узбекском языках.

Таким образом, данные древнетюркских и современных тюркских языков позволяют следующим образом охарактеризовать природу формы **-ыптым** в казахском языке: форма **-ыптым** является показателем прошедшего времени. Формант **-ты** — здесь представляет собой стяженный вариант древнего вспомогательного элемента **турур > тур:** **-м** — показатель первого лица единственного числа.

В казахском языке в качестве показателя первого лица множественного числа прошедшего времени на **-ып** употребляется аффикс **-пыз, -піз**, который сколько-нибудь заметно не отличается от соответствующей формы в других тюркских языках. Исторически она восходит к формам **-б-турур-миз > б-тур-миз > б-биз**: «Барчасының атларыны йуқарыда бир-бир айтыб турурмыз («Шеджирей таракима»). Гун мунча келиб турмыз. (Б. н.). Последняя из этих форм сохранилось в тувинском (қалып-тыр-бис), алтайском (барып-тыр-быс), туркменском (алып-дырыз), уйгурском (йезип-ти-миз), шорском (ойнап-тыр-быз) и хакасском (аннап-тыр-быс) языках.

Одной из особенностей употребления первого лица множественного числа данной формы прошедшего времени является наличие в разговорной речи варианта **-ып-тык, -іп-тік**, на что уже было указано исследователями (Омарбеков, 1975, с. 219). Этот вариант встречается иногда и в художественных произведениях: Кеше байқамай қалыптық, бүгін таңертең көрдік атын, жылқы ішінде жүр екен,— деп жігіттер Бөле-төленің атын әкеліп беріпті. (Қ. Байсеитов).—«Вчера мы не заметили, сегодня утром увидели его лошадь, она оказывается, ходила в табуне, сказали джигиты провели его лошадь»; Айқайлап, ойбайлап жүріп талай спектакль қойдық, бірақ нағыз таланттың қамшы салдырмайтын жүйріктей екенін естен шығара беріптік. (Қ. Байсеитов).—«Жалуясь и крича, все же поставили ряд спектаклей, но мы забыли, что талант подобен скакуну, который не разрешает себя стегать».

Среди тюркских языков употребление данной формы прошедшего времени на **-ып** также характерно для уйгурского (килиптук) и гагаузского (гормушук) языков.

В истории тюркских языков зафиксированы случаи параллельного употребления аффиксов первого лица множественного числа **-к (-к)** и **-мыз (-міз)** в глаголах прошедшего очевидного на **-ды**. У Абу-Хайяна, например, имеются формы **келдук** и **келдумиз**. Из современных тюркских языков такой параллелизм знают алтайский язык (**чыктык — чыктыбыс**), барабинский диалект татарского языка (**алдык — алдыбыс**). Что касается прошедшего времени на **-ып**, то в письменных памятниках мы не знаем случаев употребления показателей первого лица множественного числа **-к**. Из этого следует, что показатель **-к** в составе формы на **-ыптык** прибавляется к форме прошедшего на **-ып** с помощью того же аффикса прошедшего **-ды (-ты)**.

Второе лицо единственного числа прошедшего на **-ып** в казахском языке представлено аффиксом **-сың, -сің** (вежливая форма **-сыз, -сіз**). Эта форма также не отличается от соответствующих показателей в других тюркских языках. Исходя из данных письменных памятников и диалектов, можно предположить, что данная форма прошла следующие этапы развития: **-б + туруп + сен > -б + тур + сен > -б + сен > -б + сын**: Бу йолы койдуң эрсе, қайу йолны тутуб турусен (Рабгузи). В Ат-тухве: келибтир-сен.

Показателем второго лица множественного числа данной формы прошедшего времени является аффиксы **-сыңдар (-сіңдер)** (вежливая форма **-сыздар, -сіздер**). Исследование путей формирования этого показателя позволяет утверждать, что он употреблялся поначалу без аффикса множественности **-дар, -дер** с одним только аффиксом **-сыз**: Барчасы йигирми төрт падшахзада болубтурусиз («Шеджирен тюрк»). В Ат-тухве: келибтирсиз; в «Бабурнаме» встречается форма **-ыб-сыз**. В современных узбекском и ногайском языках второе лицо множественного числа имеет окончание **-сиз, -сыз**, в каракалпакском **-сың, -сыздар, -сыңдар**.

Эти факты говорят о том, что в этих языках сохраняются как следы древних форм, так и присоединение в последующий период аффикса множественности **-лар**: киргиск. **-сыңар**, алтайск. **-гар**, тув, силер, хак., шор. **-зар, -заар**.

По наличию специального показателя второго лица множественного числа вежливой формы современный казахский язык примыкает к киргизскому и каракалпакскому языкам. В других тюркских языках эта форма употребляется без показателя множественности.

Третье лицо единственного числа прошедшего времени на **-ып** в казахском языке представлено показателем **-ты, -ті**. Общеизвестно, что этот аффикс был сформирован вследствие развития и потери собственного лексического значения глагола **турур**. Он прошел следующие этапы развития: **-ып + турур > -ып + тур > -ып + ту > -ып + ты**; ср. Заид Расулга айтып турур (Тефси) Чечек йопрактары йерге тушубдур; в «Мухаббат-наме», в «Ат-тухве» имеем форму **-иб-тир**.

Как пишет А. М. Шербак, глагол **турур** вначале был факультативным средством выражения предикативности. Поэтому в древнетюркских письменных памятниках и в современных тюркских языках встречаются случаи употребления аффикса **-тур** во всех трех лицах. «В дальнейшем необходимость употребления **турур** и его разновидностей в 1-м и 2-м лицах для части языков отпала, так как основными выразителями предикативности стали личные местоимения. В 3-м лице, где выражение предикативности при помощи личного местоимения, по-видимому, не было регулярным, аффикс **-тур ~ -дур ~ -ды ~ -ду ~ -т** во многих тюркских языках сохранился и занял место в одном ряду с лично-предикативными показателями»¹.

Казахский язык относится к той группе тюркских языков, которые используют форму прошедшего на **-ыпты**. Такое употребление встречается и в дореволюционной литературе, т. е. данная форма была и тогда такой же, как в современном казахском языке, на что обращает внимание П. М. Мелиоранский².

Интересно отметить, что в языке казахов Поволжья в третьем лице прошедшего времени на **-ып** употребляется аффикс **-тыр**, ср.: Ол бала Оралдан оқыптыр³. Причину такого употребления следует, по-видимому, искать во

¹ Шербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981, стр. 26.

² Мелиоранский А. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. 1. СПб, 1894, стр. 55.

³ Тасымов А. Языковые особенности казахов Поволжья, АКД, А., 1975, стр. 29.

времени переселения казахов на эту территорию — эпохе джунгарского нашествия и образования Орды Бокейхана. Соответственно, сохранение продуктивности формы времени на **-ып + -тыр** в языке казахов Поволжья позволяет рассматривать ее как реликтовую форму, связанную с ранним выделением этой этнической группы.

Специального показателя третьего лица множественного (как и единственного) числа прошедшего времени на **-ып** в казахском, киргизском и некоторых других языках не имеется. В большинстве же тюркских языков показатель множественности **-лар** присутствует. Факты древнетюркских языков показывают, что такое употребление формы прошедшего времени, то есть с присоединением аффикса множественного числа **-лар** уходит своими корнями в глубокую древность, ср.: Керклук йигитлар конук келиб турурлар (Рабгузи). в «Ат-тухве» дана форма кел-иб-тир-лер.

Выводы:

1. В системе прошедших времен казахского глагола сосуществуют структурные единицы, различающиеся не только в способах образования и функционирования, но и по своему генезису. В числе наиболее древних форм, восходящих к общетюркскому периоду, можно отнести прошедшее категорическое на **-ды** и прошедшее результативное на **-ган**.

2. Прошедшее время на **-ды** присоединяет личные аффиксы II типа спряжения: I л. ед. ч. **-м**, I л. мн. ч. **-к**; II л. ед. ч. **-ң**, II л. мн. ч. **-ңыздар**, **-ңіздер**, **-ндар**, **-ндер**; III л. ед. ч. и мн. ч. без специальных показателей. Этот набор аффиксов не представляет собой однородную группу с точки зрения генезиса, на что указывает функционирование в древних и современных тюркских языках параллельных формантов **-ман** (I л. ед. ч.), **-мыз** (I л. мн. ч.) и др.

3. Прошедшее время на **-ган** характерно в основном для кыпчакской и карлукско-уйгурской групп. Судя по материалам литературного языка, имеется три варианта спряжения данной формы; ср. I л. ед. ч. айтқанмын, айтқамын, айтқам «я говорил». Разнообразие вариантов имеют также отрицательные формы: **-ма + ган**, **-ғам жоқ**, **-ғаным жоқ**, **-ғамын жоқ**.

4. По структурным особенностям формы на **-ып** ка-

захский язык объединяется с ногайским и каракалпакским. Личные формы — I л. ед. ч. **-пын, -пін**, мн. ч. **-пыз, -піз**, II л. ед. **-сың, -сің** (вежл. **-сыз, -сіз**), мн. **-сындар, -сіндер** (вежл. **-сыздар, -сіздер**), III л. ед. ч. **-ты, -ті**. Последний показатель восходит к глаголу **туруп**.

2. РАЗВИТИЕ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В СИСТЕМЕ ВРЕМЕН ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Сравнительно — историческое изучение форм прошедшего времени показывает, что они отличаются от других форм времени сложностью и многообразием как семантики, так и структуры. Эта особенность прошедшего времени является принадлежностью не только казахского языка, но и многих тюркских языков. С исторической точки зрения временная форма, как любая другая категория языка, является плодом длительного функционально-семантического развития. Рассмотрение в сравнительном плане синтетических форм прошедшего времени современного казахского языка в общей системе развития этой категории в тюркских языках дает возможность выяснить, каким изменениям подвергались эти формы за тот или иной период, определить направление процесса их развития, особенности этого процесса. Как известно, появление и внедрение в языковой обиход одних форм приводит к ограничению функций других, изменению их семантической природы, а иногда к их вытеснению. Наряду с этим, в ходе развития языка параллельно происходят и структурные изменения. Так, например, формы времен, появившиеся и существовавшие когда-то как аналитические, с течением времени преобразовываются в синтетические. Особенно заметные качественные и структурные преобразования начинают происходить к началу выделения тюркских языков в самостоятельные группы. Но и сами синтетические формы древнего языка не оставались неизменными, претерпевая различные фонетические преобразования.

1. Самой древней среди форм прошедшего времени в тюркских языках является форма на **-ды**. Показатель прошедшего времени на **-ды/-ді, -ты/-ті** в орхоно-енисейских письменных памятниках, присоединяясь к глагольной основе, не всегда подчинялся закону уподобления: после основы с звонким согласным мог быть присоединен глухой вариант этого аффикса, и, наоборот, после

глухих — звонкий вариант: **адырылты, өлті**, но **қачды, тоқытдым** и т. п.

В памятниках в честь Культегина или Тоньюкука к глагольным основам, оканчивающимся на звонкие **л, н, р**, присоединяются аффикс **-ты (-ті)**: **сақынты, келті, көрті**. В остальных случаях присоединяются звонкий вариант **-ды (-ді)**: **қачды, басды, суледі, сүңішді**. В Енисейских письменных памятниках такая особенность не сохраняется, то есть после основ на **л, н, р**, могут быть присоединены как звонкие, так и глухие варианты аффикса: **ерті (ерді, өлүрті) өлүрді**. С. Е. Малов высказал предположение о том, что это, может быть, следы диалектных особенностей¹.

М. Кашгарий специально указывал на те моменты, когда **р** каких случаях присоединяется к глагольной основе звонкий или глухой вариант аффикса прошедшего времени на **-ды**. По его мнению, этот формант, присоединяясь к основам с глухим согласным в конце, имеет глухой вариант. По сравнению с орхоно-енисейским периодом, в языке средневековых памятников («Кутадгу билик», «Диван тюркских языков») закон уподобления носил более упорядоченный характер. Тем не менее встречаются, хоть и редко, случаи, когда к основам с глухим согласным присоединяется звонкий вариант аффикса прошедшего очевидного времени: **чекді, такды, қачды** и т. д.

Наблюдения над сочетаемостью в языке Орхоно-енисейских памятников дает возможность приподнять завесу над некоторыми закономерностями, действовавшими в языке этих памятников, а именно для них не был характерен закон уподобления согласных, закон ассимиляции.

Одним из достойных внимания вопросов при изучении форм прошедшего времени является вопрос о сохранении или несохранении губной гармонии. Орхоно-енисейские письменные памятники дают конкретное представление о том, на каком уровне находилась эволюция этой закономерности, насколько она типична для той или иной группы языков. Это возможно потому, что закономерность эта связана с конкретными историческими условиями формирования каждого отдельного языка или каждой языковой группы. Типичность или нетипич-

¹ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952: стр. 13.

ность этой закономерности станет очевидной лишь в результате поисков и этимологических исследований.

Так, в памятниках древнеуйгурской письменности можно наблюдать последовательность закона губной гармоний: көртурм, болтурм (Сутра «Золотой блеск»). В письменных памятниках XI века — «Кутадгу билик» и «Диван лугат ат-турк» — был широкоупотребителен губной вариант аффикса прошедшего времени. Однако если губная гармония систематически проходит в сочинении Юсуфа Баласагунского, то в Словаре М. Кашгарского закон сингармонизма действует непоследовательно: көрдүм, көрдим, качурдүм, кавуштым¹.

Форма прошедшего времени на -ды в письменных памятниках XIII—XIV веков имеет несколько вариантов: в «Тарджумане» и «Аттухфа» она имеет два варианта, у Абу-Хайяна — четыре. Как пишет П. М. Мелиоранский, Абу-Хайян говорит о том, если основа оканчивается на фатху (т. е. краткую а) или кясру (т. е. краткую и), то присоединяется нелабильный вариант аффикса прошедшего времени, а если основа оканчивается на губной звук, то и аффикс присоединяется в губном варианте: берди, турду, олтурду. И Ибн-Муханна указывает на эту же особенность формы прошедшего времени². Упоминая об одном высказывании Ибн-Мухаммеда Салиха о том, что «орфография может быть традиционной или условной», П. М. Мелиоранский утверждает вслед за ним то же самое: «написание «у» не всегда предполагает произношение «у» (у)», — пишет он³.

М. Кашгарский указывает на три различных употребления формы прошедшего времени на -ды в сочетании с глагольными основами с лабиальным или нелабиальным звуком на конце. Он утверждает, что турки говорят бардым, огузы и другие бардам, тогда как аргу произносят бардум. Иначе говоря, по мнению М. Кашгарского, такое употребление имеет диалектный характер⁴.

В тех современных тюркских языках, для которых

¹ Кашгарий М. Девону лугатит турк. III том, Ташкент, 1963, стр. 443—445.

² Мелиоранский П. М. Араб-филолог о турецком языке. СПб, 1900, с. XXX

³ Там же, с. XVIII—XIX.

⁴ Махмуд Кашгарий. Девону луготит турк. III том, Т., 1963, с. 153.

характерен закон сингармонизма, аффикс очевидного времени присоединяется к основе глагола в соответствии с этой закономерностью. Однако в некоторых других языках, например в узбекском, она не сохраняется.

Таким образом, аффикс прошедшего очевидного или категорического времени имеет в тюркских языках несколько фонетических разновидностей.

Как уже отмечалось выше, генезис формы прошедшего очевидного времени на **-ды** остается в тюркском языкознании неясным до сих пор. Имеется несколько гипотез о возникновении этой формы¹. Одни тюркологии возводят указанную форму к глагольному имени, образованного от основы глагола при помощи аффикса **т/д** и личных аффиксов принадлежности. Так, О. Бетлинг, который первым возвел форму на **-ды** к имени действия, приводит следующие ступени ее развития **алдык-ым > алдыг-ым > алды-ым > алды-м**. То же самое утверждает П. М. Мелиоранский, приводя такие примеры как **сыгынды, агынды** и называя их отглагольными именами².

Другие исследователи, как указывает А. М. Щербак, не связывая ее с именем действия, сближают аффикс **-ды** с разными служебными словами и морфологически показателями³.

Факты тюркских языков, материалы письменных памятников говорят о том, что правы те исследователи, которые утверждают, что форма прошедшего времени на **-ды** имеет именную природу происхождения. «Вряд ли можно сомневаться,— пишет, например, Б. А. Серебренников,— что в основу форм прошедшего времени на **-ды, -ди** могло лечь отглагольное имя. Об этом лучше всего свидетельствуют его личные окончания, восходящие к притяжательным аффиксам»⁴. Имеются и другие факты, подтверждающие данную точку зрения.

¹ См., например: Баскаков Н. А. Причастие на **-ды/-ты** в тюркских языках.— Труды.

² Мелиоранский П. М. Араб-филолог о турецком языке. СПб, 1900, с. 1 XXI.

³ Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Ленинград, «Наука», 1981, стр. 78.

⁴ Серебренников Г. А., Гаджиева Н. З. Указ. соч., с. 176. На тождественность личных показателей в форме прошедшего на **-ды** с притяжательными указывает также И. В. Кормушин (указ. соч., с. 16).

Так, например, в древнетюркских письменных текстах встречается атрибутивное употребление формы на **-ды**. У М. Кашгарского можно встретить сочетание: кесішді нең «нечто разрезанное», көмілді нең «нечто зарытое», йумшады нең «что-то смягченное»¹. В «Кутадгу билике» өтурунді йегіл «ешь, что выбрал»². Кроме того, не только в старописьменных текстах, но и в некоторых современных языках, например, в турецком, гагаузском и некоторых других, допустимо сочетание формы прошедшего времени на **-ды** со служебным глаголом **е** (эрди): йығлады эрди (из Рабгузи), качтылар эрди (Тефсир), көртум ерти («Алтун йаруг»), тэрдим эрди («Кутадгу билик»). Активное употребление таких форм продолжалось вплоть до XV века.

Все это показывает, во-первых, насколько сложен путь развития формы прошедшего категорического времени на **-ды**, во-вторых, говорит о том, что указанная форма безусловно имеет именное происхождение, т. е. подтверждается мнение о том, «что первоначально это время выражало перфектное значение, поскольку таким значением обладало легшее в его основу отглагольное имя»³.

Сравнение в семантическом плане форм прошедшего времени современного казахского языка с теми же формами глагола других тюркских языков, а также с фактами письменных памятников показывает, что прошедшее на **-ды** является формой, наиболее распространенной во всех тюркских языках и имеет общую для них всех схему. Она изучена более детально, чем какая-либо другая форма, но все еще нельзя сказать, что решены все спорные вопросы, связанные с происхождением этой формы.

Нельзя, например, пройти мимо другой, уже упоминавшейся концепции, согласно которой форма прошедшего времени на **-ды** происходит от причастия на **-дык** (**-тік**). Этот взгляд, впервые высказанный О. Бетлингом, был впоследствии поддержан Ж. Дени и А. П. Поцелуевским. Близкую позицию занял П. И. Кузнецов, который на основе взаимозаменяемости форм на **-ды** и **дік** делал вывод о том, что последняя имела значение.

¹ Махмуд Кашгарий. Девону лугатит турк. III т.

² Кутадгу билик...

³ Сербренников Б. А., Гаджиева Н. З. Указ. соч., с. 176.

прошедшего категорического¹. По его мнению, возможен иной путь развития: от собственно глагольных форм к именам действия².

Некоторые другие тюркологи сближают аффикс **-ды** с разными служебными словами и морфологическими показателями. Например, А. Казем-бек объединяя его со служебным глаголом **-i** (*idim, idin, idi*)³, В. В. Радлов — со служебным глаголом **тур-**⁴, С. Е. Малов — с аффиксом деепричастия **-ti**⁵, А. Н. Кононов — с аффиксом принадлежности третьего лица⁶.

Сравнительно-историческое исследование фактов как древних, так и современных тюркских языков показывает, что форма прошедшего времени на **-ды** отличается постоянством своей семантики. Будучи древнейшей в тюркских языках формой прошедшего времени, форма на **-ды** сохраняет тот свой внешний облик, который он приобрел на уровне праязыка. С.: Илгері Шантун языка теги суледім (памятник в честь Куль-тегина); Вперед я прошел с войском вплоть до Шантунгской равнины; Азиз Иусуфга бакты, айды: мен сені сатғын алдым, огул тутундым, мене мунуму кылдын. (из Рабгузи); Элчи бу сөзлерниң барчасын айтды. (Шеджирен Таракима). Бул магуллар улусы екі бөлек болып өттілэр. (Джами аттаварих»); Сол ханның қол астына келіп кірді, сонда ел арасында журді («Ер-Тарғын»); Шоқан Уәлиханов ғылым, өнер иесі халықтың ғадат заңын біліп, даңғыл биік жолға шықса да, өзінің туған жайын жатырқамады һәм ұмытпады. («Дала уалаяты»); Эрберден сон, сыртымызға шықты, жауластық, дауластық, партияластық. (Абай).

2. Продуктивное и систематическое употребление

¹ Кузнецов П. И. Бессоюзные придаточные предложения с формой на **-дик** в памятниках орхоно-енисейской письменности.— Советская тюркология, 1971, 4, стр. 64.

² Кузнецов П. И. Происхождение прошедшего времени на **-ды** и имен действия в тюркских языках.— В кн.: Тюрко-монгольское языковедение и фольклористика. М., 1960, стр. 40.

³ Казем-бек А. Общая грамматика турецко-татарского языка. Изд., 2-е, Казань, 1846, стр. 182.

⁴ Radloff W. Die alttürkische Inschriften den Mongolei. K-F. s. 92.

⁵ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951, с. 72.

⁶ Кононов А. Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. В кн.: Тюркологический сборник, 1, М.-Л. 1951, стр. 112—115.

другой формы прошедшего времени — формы на **-ған** (**-ген**, **-қан**, **-кен**) — начинается с XIII—XIV веков. Эта форма широко употребляется в современных тюркских языках, за исключением огузской группы. Данная форма в тюркологии называется по-разному: прошедшее результативное, прошедшее неочевидное, прошедшее перфективное, прошедшее неопределенное. Эта форма выражает действие, совершенное в прошлом, с оттенком результативности. Это значение формы присуще большинству тюркских языков. Как указывает А. М. Щербак, «прошедшее результативное на **-ған** характерно для кыпчакских и карлукско-уйгурских языков, а также для всех языков Сибири и Алтая, кроме якутского»¹.

К форме на **-ған** по своему значению близок претерит **-мыш**. Форма на **-мыш** характерна для якутского и огузских языков, за исключением туркменского, в котором функционирует лишь форма на **-мыш** от вспомогательного глагола **-е** алармыш «(говорят он постоянно брал»².

Форма на **-ған**, по М. Кашгарскому, имела варианты **-ған** и **-ген** в зависимости от качества гласных основы: кошулған, битилген, кечурген, безетген³. То же самое можно видеть и в «Кутадгу билик» е.

Начиная с XIII—XIV веков в старокыпчакских письменных памятниках формы на **-ған** и **-ген** встречаются параллельно⁴.

Вместе с тем, превалирует начертание по закону уподобления согласных: **бар-ған**, **қой-ған**, **айт-қан**, **тап-қан**. Однако в некоторых случаях эта закономерность нарушается, и к основам с глухим согласным могут присоединяться звонкий вариант аффикса, и наоборот. Эта особенность сохраняется и теперь в некоторых тюркских языках, например, узбекском: Куп йиглаганликдан кузлари кизарган, ковоклари шишган, юзлари буртган эди. (А. Кодирий). «От долгого плача глаза у него покраснели, веки, лицо припухли».

В ходе исторического развития тюркских языков фор-

¹ Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). Ленинград, «Наука», 1981, стр. 92.

² Там же.

³ Махмуд Кашгарий. Девону луготит турк. II том, стр. 57—58.

⁴ Курышжанов А. К. Язык старкыпчакских письменных памятников XIII—XIV вв., Алма-Ата, 1973, стр. 35.

ма прошедшего времени на **-ған** широко используется в предикативной функции и ее семантическая сфера расширяется. Она стала самой употребительной после прошедшего времени на **-ды** формой этой временной категорий.

В средневековых письменных памятниках часто встречается сочетание формы на **-ған** с глаголом туруп и его сокращенными вариантами **тур, дур**: корген туруп, ешиткен туруп (Тефсир). Улуғ аталарымыз Туркстандын келген туруп («Шеджирей таракима»). Эта форма в основном встречается в III лице, реже — в I. С течением времени вспомогательный глагол делается все пассивнее и отживает, формы на **-ған** все больше и чаще употребляются без него.

Отрицательная форма образуется с помощью присоединения аффикса **-ма** или отрицательной формы служебного глагола **-е** (ермес, емес): барған емес. При образовании отрицательной формы с помощью слова жоқ «нет» форма на **-ған** принимает личные окончания второй группы: **алғаным жоқ, алғаның жоқ** и т. д. В современном казахском языке встречается тройное сочетание формы на **-ған** с отрицательным элементом — словом **жоқ**: **алғаным жоқ, алғам жоқ, алған жоқпын** «я не брал». Все это говорит о том, что данная отрицательная форма является одной из древнейших и что она характерна как для современного литературного языка, так и разговорной речи.

В языке письменных памятников форма **-ма + ған** начинает встречаться чаще начиная с XV—XVI вв. По сравнению с ней, форма отрицания на **-ған ермес** встречается гораздо раньше, еще в XI—XII вв. Ср.: Биз мусафирмиз, падшахның, йарлық қылғаныны билгәнимиз йок («Шеджирей тюрк») «Мы странники, мы не знали о ярлыке падишаха»;

Могулның неч атасы араб тилини ешиткен эрмес («Шеджирей таракима») «Никто из предков моголов не слышал арабского языка».

В языке письменных памятников прошедшее на **-ған** передает не столько динамику движения, сколько его признак, свойство: Бу сув ул йыгачығ йемургән («Диван тюркских языков»).

В письменных памятников форма на **-ған** может выражать завершенность, законченность действия. Ср.:

Кемрен зилхижжа айиниң он йеттисида Кабулга келген-дур («Бабурнама») «Кемран прибыл в Кабул семнадцатого дня месяца зулхиджжа». Вместе с тем эта форма выражает очевидность, определенность действия: Шаханшах Жанихан мулкин неген сиз («Мухаббатнаме»).

Формы прошедшего времени на **-ған** и **-мыш** в старокыпчакских письменных памятниках употреблялись параллельно, хотя и наблюдались известные семантические различия между ними. Так, например, в этих памятниках, как и в древнетюрском языке караханидской поры, основным значением формы на **-ған** является перфектное, тогда как форма на **-мыш** к основному значению результативности добавляет определенный оттенок модальности¹, который не может быть основным значением, а именно оттенком последнего. Основным значением той и другой формы следует считать результативность, к которому непременно примешивается оттенок недоверности, выражаемый формой на **-мыш**.

Факты языков и старописьменных памятников показывают, что постепенно форма на **-мыш** стала отходить на задний план. Последующий ход развития форм идет не только путем усложнения их за счет новообразований, но и путем упрощения, устранения отживающих форм.

3. Следующая форма прошедшего времени в казахском языке образована с помощью деепричастного аффикса **-п** (**-іп**, **-ып**). По своей семантике формы прошедшего времени на **-ған** и на **-ып** в основном совпадают. Прошедшее на **-ып** выражает результативное действие, совершившееся в прошлом. Поэтому данную форму называют иногда прошедшим совершенным или прошедшим результативным¹. Главным в семантике формы на **-ып** считается констатация совершенности².

Ретроспективное рассмотрение формы на **-ып** показывает, что она прошла следующие этапы развития: 1. **-ыптурур мен** > **-ып-тур-мен** > **-ып-мен** > **-ып-пын**; 2. **-ыптурур-сен** > **-ып-тур-сен** > **-ып-сен** > **-ып-сын**; 3. **-ып-турур** > **-ып-тур** > **-ып-ты**.

¹ Курышжанов А. К. Язык старокыпчакских письменных памятников. XIII—XIV в. в. АДД, Алма-Ата, 1973, стр. 35.

¹ Насилов В. М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 95.

² Баскаков Н. А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. В кн.: Сравнительная грамматика тюркских языков. Часть II. М., 1956, стр. 297.

В некоторых из современных тюркских языков (например, азербайджанском, уйгурском, киргизском, туркменского) данная форма отличается своеобразием парадигмы спряжения. В орхоно-енисейских письменных памятниках форма прошедшего времени на **-ып** не встречается. В языке памятников отмечена форма **-ып-турурмен**, начавшаяся употребляться с XIII в. Она встречается в «Тефсире», «Огузнаме», в произведениях XIV века, в «Шеджиреи тюрк», «Шеджиреи таракима». Например: Заид Расулга айтыб турур. («Тефсир»). Барчасынан атларыны йукарида бир-бир айтыб турурмиз. («Шеджиреи таракима»).

Эта форма встречается в старокипчакском письменном памятнике «Кодекс куманикус»: Дуниага тириклик берип турур. Христос бизге тогуп турур. Форма **-ып-турурмен** активизируется в XV веке, в то же время начинает употребляться также и негубной вариант **-ып-тырмен**. Следы такого употребления можно видеть в хакасском, шорском, тувинском, киргизском, алтайском языках. Первая фиксация формы на **-ып-сен**, активно употреблявшейся в письменных памятниках XV века, относится еще к XIII веку. Редко эта форма встречается в «Тефсире», «Огузнаме»: Балыкны йахшы саклабсен («Огузнаме»). Ул, неким сен елтурубсен («Тефсир»). Таким образом, в один и тот же к период встречаются все три разновидности формы с аффиксом деепричастия **-ып**. Но уже здесь начинается избирательность в использовании этих вариантов одной и той же формы, так как в языке постоянно протекает процесс отбора, что приводит к вытеснению одних форм другими, более экономными и гибкими. Так появилась и форма прошедшего времени на **-ып** плюс личные окончания, которая восходит к форме **-ып-турурмен**.

Одним из немаловажных вопросов, встающих перед исследователем при изучении формы прошедшего времени на **-ып**, является ее семантика. Следует сказать, что как в языке письменных памятников, так и в современных тюркских языках значения, передаваемые этой формой прошедшего времени совпадают. Так, в одних случаях данная форма может указывать на совершившееся в прошлом действие, очевидцем которого сам говорящий не был, а судит о нем по наличному результату или на основании других источников. Такое значение прошедшего на **-ып** отмечает в примерах из письменного памятни-

ка XIV века Э. Наджиб: ¹ Сорды кім муна не болып турур, айттылар; хемр ішіп, урус етіп кісі өлтурур турур. («Гулистан»). Он спросил: что с ним случилось. Сказали: он пил водку, учинил драку и убил человека. В других случаях форма с деепричастием на **-ып** выражает действие, совершившееся в прошлом, но без модального оттенка неочевидности, заглазости.

Языковые материалы, извлеченные из дореволюционной казахской печати показывают, что с функционально-семантической точки зрения форма прошедшего времени на **-ып** в этих материалах соответствует современному состоянию этой формы, не претерпела никаких изменений. Это и понятно, ибо для заметных языковых изменений и сдвигов требуется более длительный исторический период.

4. Среди форм прошедшего времени своими особенностями формирования и развития отличаются аналитические формы глагола. Как известно, аналитические формы в современных тюркских языках образуются особым сочетанием основных и вспомогательных глаголов. Таких сочетаний в древнетюркских языках было несравненно меньше, кроме того, они отличались также формами сочетаний и спаянностью их компонентов. Одной из древнейших аналитических форм было сочетание основы глагола на **-мыш** с вспомогательным глаголом **-ерті**. Впервые эта форма зафиксирована в орхоно-енисейских письменных памятниках и активно употреблялась вплоть до XV века: Алп ер бізіне тегміш ерті (памятник в честь Культегина). Мужественные люди на нас напали. Мусулман болмыш ерді-лэр (Тэфсир).

Вспомогательный глагол **-е** в орхоно-енисейских письменных памятниках, в словаре М. Кашгарского, в сочинении Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билик», в «Огузнаме» и других употребляется в форме **ерті**, **ерді**. Начиная с XV века параллельно с ней используется форма **еді**.

Кроме формы прошедшего времени на **-мыш ерті** в письменных памятниках XIII—XIV в. в. встречается аналитическая форма на **-ган еді**. Она была употребительна, например, в «Бабурнаме», «Шеджиреи таракима»,

¹ Наджиб Э. Н. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфи Саран и его язык. ч. 1, Алма-Ата, 1975, стр. 196.

«Шеджирей тюрк» и др.: Сизлер ака ынанган ердіңіз. (Тефсир). Келген йок ерди («Шеджирей тюрк»).

Эта форма по своей функции и семантике близка к форме **-мыш ерті**. Употребляясь все активнее, она стала одной из отличительных черт языков кыпчакской и карлукской групп. Данная форма выражает действие, совершенное в прошлом и ранее другого действия. В этом значении прошедшее на **-ған еді** употребляется в устном народном творчестве, в преданиях, для более яркого изображения совершившегося в прошлом события: Қашқардан қайтқан соң Шоқан Уәлихановты Петербор шарына қызметке шақырып барған еді (Дала уал.)

Одной из аналитических форм прошедшего времени, встречающихся в «Кутадгу билик» е и других памятниках уйгурского письма, является форма **-ды ерті** (ерді): берді ерді («Кутадгу билиг»), кортум ерті (сутра «Золотой блеск»), алды ерті (Юр. документы). Данная форма, сходная по значению с прошедшими временами на **-ған еді** и **мыш еді**, сохранилась в некоторых современных тюркских языках, например, гагаузском и турецком.

Следующая форма прошедшего времени на **-дук ерті** характерна для древнетюркского периода. Впоследствии она была вытеснена другими формами. Встречается в «Тефсире», Рабгузи: Мен бутларны кормедук ердім, турдум, Маккага бардым, кордум. (Тефсира). Эй ата, биз йабанда йылкы, карамал, кузэйу болуб, Йусуфни отагда койдук ерді (из Рабгузи).

Эти формы не употребляются в современном казахском языке, не встречаются также и в дореволюционной печати.

Аналитическая форма прошедшего времени **-ып еді**, широко употребляющаяся в современном казахском языке, была употребительна еще в XIII—XVI в. в.: Берке эмгек бирле ел кунни басып ерді. (Огузнаме). Тоқы мушриklar таба кетиб ердилэр. (Тефсир). Продуктивный период этого показателя начинается с XV века. Будучи семантически близким к форме прошедшего на **-ған еді**, он выражает также действие, совершившееся в прошлом, но предшествовавшее другому действию. Ср.: Иинчке, йугка, назук тонлар кизиб ерді. (из Рабгузи). Уч-торт карап айтыб ердім, сен келмедің («Шеджирей тюрк») и в современном казахском языке. Об этом говорит семантика формы на **-ып еді**, встречающейся в устном народном творчестве, в дореволюционной казахской печати:

Сол Хазардан үш атаның ұлы парсы жұртында қалып еді. (Абай). Мұның бұл сөзін өзбек балалары тыңдамай үркітіп, жіберіп еді, түйесі секіріп кетіп, шешесі жерге құлап қалды. (Диваев). Выводы:

Сравнительно-историческое изучение форм прошедшего времени казахского языка показывает, что эти формы прошли долгий и сложный путь развития. Материалы исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Формы времен за определенный исторический период претерпели заметные функциональные, семантические и структурные изменения, в результате чего одни формы устаревали, вытеснялись другими, другие формы превратились в самостоятельные временные показатели. В связи с формированием отдельных тюркских языков, выделявшихся из общетюркского праязыка, формы времен развивались в дальнейшем в особом в каждом языке условиях, приобретая все новые формальные различия и семантические оттенки.

2. Основу системы прошедших времен индикатива составляют структурные единицы общетюркского происхождения: Самой древней среди этих форм является прошедшее на **-ды**. Согласно мнению большинства ученых, этот показатель исторически служил аффиксом отглагольного имени, на что, в частности, указывает идентичность личных аффиксов форм прошедшего на **-ды** и личных притяжательных суффиксов.

3. Продуктивное и систематическое употребление формы прошедшего на **-ған** начинается с XIII—XIV вв. Эта форма, выражающая действие, совершенное в прошлом, с оттенком результативности, в старокыпчакских письменных памятниках употреблялась параллельно с формой на **-мыш**, которая впоследствии утратила свои позиции.

4. Ретроспективное рассмотрение формы на **-ып**, образованной с помощью деепричастного аффикса **-п**, показывает следующий путь ее развития: 1 л. ед. ч. **-ып туруп мен > -ып-тур-мен > -ып-мен > -ып-пын**.

5. Аналитические глагольные формы в древнетюркских языках были представлены беднее, нежели в современных. Нынешние аналитические формы казахского глагола удается проследить по крайней мере до XV в.. В памятниках XIII—XIV вв. («Бабурнаме», «Шеджирей таракима», «Шеджирей тюрк» и др.) встречается аналитическая форма **-ған еді**.

ГЛАВА II.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

1. СИНТЕТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Синтетические формы прошедшего времени в современном казахском языке представлены целым рядом аффиксов. Ими являются: **-ды, -ді, -ты, -ті, -ған, -ген, -қан, -кен, -ып, -іп, -п, атын, -етін, -итын, -ітін**. Рассмотрение этих форм в парадигматическом и синтагматическом планах позволяет выяснить их функционально-семантический потенциал. Каждая из форм прошедшего времени и, соответственно, каждый временный оттенок проявляется в единстве темпоральных и модальных значений. Вместе с тем, каждая из этих форм имеет свои индивидуальные особенности, несмотря на наличие объединяющей семантики — выражение действия, происходившего до момента речи.

1. Форма на -ды. Форма на **-ды** это общий для всех тюркских языков и в то же время наиболее изученный показатель прошедшего времени, сочетающийся с личными окончаниями второй группы **-м, -ң, -ңыз; -қ, -ндар, -ңыздар**. Как наиболее общий выразитель прошедшего времени, этот аффикс во многих работах называется просто показателем прошедшего времени. Это вполне обоснованно, ибо форма на **-ды** лишь констатирует уже совершенное к моменту речи действие, причем эта констатация имеет категорический характер. Именно по этой причине прошедшее время глагола, характеризующееся этой формой, часто дополняется определениями «категорическое», «достоверное».

Форма прошедшего времени на **-ды** употребляется в современном казахском языке в следующих значениях:

1. Обозначает конкретное действие, очевидцем или участником которого был сам говорящий: Мен жаңа жылды құрбы қыздармен бір компанияда қарсы алатын болдым,— деп өмірімде бірінші рет ата-анамды алдап кеттім. (Т. Ахтанов) «Я впервые в жизни обманула родителей, сказав им, что новый год буду встречать в компании подружек».

2. Выражает, что говорящий сообщает о достоверном

событий, действий, произошедшем, совершившемся в прошлом, как очевидец; интересно отметить, что здесь говорящий рассказывает о совершившемся так, что действие представляется совершающимся как бы в данный момент. Все это, по — видимому, происходит от того, что говорящий определенным образом выражает свое отношение к произошедшему: Нұрланның тізелері дірілдеп, сол тұрған жерінде отыра кетті (З. Шашкин) «У Нурлана задрожали колени, и он так и сел на том месте, где стоял».

3. Употребляется в художественной литературе, когда говорящий сообщает о событиях, участником которых обычно является он сам или когда он говорит о другом лице, которое совершило это действие или было участником его: Екеуі де атып тұрды. Ақ бантикті қыз шешесін асықтыра түсті. (Қ. Мәшһүр-Жүсіпов) «Оба они соскочили с мест. Девочка с белыми бантиками начала торопить мать».

4. Употребляется в диалоге, монологе для передачи речи персонажа в художественной литературе, устном творчестве: Сізге бұны кім істеп берді?— Жер ауып келген бір черкес үйімде жатып, осыны бір жыл істеді. Ақысына бір ат бердім. Бір жыл тамағын асырадым (С. Мұқанов). «Один ссыльный черкес жил у меня дома. В течение года он мастерил это. За работу я дал ему лошадь».

Другой пример:

Найзаны о да салды, мен де салдым,
Менен бұрын бұғанамнан көсіп алды.
Екеумізге бір өлім болды ғой деп,
Қанжармен милықтан беріп қалдым.
(Арқалық батыр)

«И он ударил копьем, и я ударил,
Раньше меня он однако, достиг цели,
Думая, что нам обоим одна смерть,
Я вонзил кинжал свой ему в челюсть».

Форма на -ды часто встречается в устном народном творчестве, а это свою очередь доказывает, что при группировке оттенков этой формы была бы неправомерно ограничивать значения ее терминами «очевидное», «неочевидное». Особенностью устного народного творчества является то, что в нем рассказчик, сказочник, певец находится к сообщаемому событию в таком отношении, как

если бы он сам был свидетелем всего произошедшего, совершившегося.

Кұбылып бурыл гуледі,
Табаны жерге тимеді,
Кұлақтың түбі терледі,
Тер шыққан сайын өрледі.
(Қобыланды батыр)

«Воспрянул чалый и помчал,
Копыта не касаются земли.
Под ушами у него вспотело,
чем больше потеет, тем выше взмывает».

Как видно из приведенного примера, специфика значения данной формы на **-ды** диктует своеобразную смену ряда действий. Именно эта смена, это следование действий друг за другом и создают динамику повествования. Причем, форма на **-ды** только констатирует действие в прошлом безотносительно к его близости или давности, очевидности и т. п. Эта безотносительность формы на **-ды** и позволяет использовать ее в повествовании о прошедших событиях, действиях, сменяющих друг друга и тем самым создающих их ясно осознающуюся динамику. В этом отношении форма на **-ды** напоминает форму на **-а + ды** и обозначающими такие же действия в настоящем.

Однако отдаленность совершившегося в прошедшем действия от момента речи все же отличается разнообразием, обусловленным в первую очередь контекстом или лексическим значением основы глагола, к которой присоединяется аффикс прошедшего времени. Эти оттенки следующие:

1. Глагол, сочетающийся с аффиксом **-ды**, употребляется для выражений действия, совершенного в недавнем прошлом или непосредственно перед моментом речи. В этом значении форму на **-ды** нельзя спутать с другими оттенками прошедшего времени. Как особенность этой формы Н. К. Дмитриев выделяет то, что она выражает не результат действия, а лишь сообщение о прошедшем действии¹. Для подтверждения правомерности такого высказывания можно привести множество примеров из уст-

¹ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948. с. 144.

ной речи. Так, кар жауды «пошел снег» означает, что снег уже начал идти, но еще не остановился, а продолжает идти.

И действительно, выражение формой на **-ды** действия, совершившегося до момента речи или непосредственно перед моментом речи, является такой особенностью, которая придает этой форме значение конкретности, очевидности действия. Это в свою очередь способствует тому, что данная форма ограничивается только общим сообщением о совершившемся в прошлом действии, не привнося в содержание никаких оттенков модального или иного плана.

2. Форма на **-ды** может выражать действие, совершение которого относится к самым различным моментам прошедшего времени с точки зрения отдаленности действия от момента речи. Можно говорить в связи с этим о возможной взаимозаменяемости формы на **-ды** и других показателей прошедшего времени. Однако избирательное употребление той или иной формы времени в подобных случаях зависит от того, хочет ли выразить говорящий свое отношение к результату действия или он просто сообщает о прошедшем действии как о совершившемся безотносительно к какому либо модальному оттенку или к результату действия. Поэтому такая взаимозамена не всегда предполагает знак равенства между употребляемыми формами.

Форма на **-ды** может быть употреблена в тех случаях, когда говорящий не был сам свидетелем совершившегося действия, но это действие в его сообщении выступает очевидным. По сравнению с другими формами прошедшего времени, эта форма часто употребляется при сообщении и описании исторических событий и знаменательных дат. Например: 1941-жылы Ұлы Отан соғысы басталды. «В 1941 году началась Великая Отечественная война»; 1954 жылы тың жерлерді игеруге мыңдаған совет жастары аттанды «В 1954 году тысячи представителей советской молодежи отправились на целинные земли».

3. Форма на **-ды** передает действия, совершившиеся в прошлом одно за другим. В этом случае форма на **-ды** позволяет говорящему передать динамику действия. Такое употребление этой формы приближает данную временную плоскость к моменту речи, то есть к настоящему времени: Ханбүркіт маған төніп келді де, кілт бұрылып

кетті. Жас қанатты орнынан тұрғызып, үстін қақты. Ол өзіме жазықсыздан жазықсыз ұрысқанын көзіме жас үйіріле қалды (Қ. Омаров) Ханбуркит надвинулся на меня и резко свернул в сторону. Поднял и отряхнул пыль с одежды. Так как он обидел меня совершенно напрасно, у меня на глазах навернулись слезы».

Глагольные действия в приведенных примерах приобретают эмоционально-экспрессивный оттенок благодаря форме на **-ды**. В такой передаче совершившихся действий, событий наряду с формой прошедшего времени параллельно могут употребляться также формы настоящего времени: Сұр есек безіп барады, ана жүгірмек мені көрісімен зыта жөнелді (Қ. Омаров)

Еще одна особенность формы **-ды** заключается в том, что она может передавать однократное совершенное действие. Такое употребление этой формы присуще многим тюркском языкам. Ср.: Гулина көзін қайта жұмды. (Қ. Мәшһүр-Жүсіпов.)— «Гулина опять закрыла глаза»; Ас дайындауға бірлесіп, шұғыл кіріскен жас жұбайлар дем арада көк көстрөлдің буын бұрқыратып, ішіне картоп, капусталарын салып жіберді (О. Исмайлов) «Молодожены, дружно приступившие к приготовлению пищи, мигом запустили в бурлящую кастрюлю картофель».

Передача формой на **-ды** однократного (многократного или законченного (незаконченного действия зависит во многом от семантики самой глагольной основы. Немаловажную роль играет здесь и общий контекст. Поэтому при ее рассмотрении необходим комплексный подход, то есть при определении оттенков значения данной формы правильнее исходить как из семантики основы глагола, так и из общего контекста.

Подытоживая сказанное о форме на **-ды**, приведем еще несколько примеров: Света маған жауап қайырған жоқ, қабағын шытып, аз уақыт үнсіз отырды да, маған емес, басқа біреуге айтып отырғандай, сөзін бастап кетті (Т. Ахтанов) «Света мне не ответила, она некоторое время сидела насупившись, потом заговорила, будто обращалась не ко мне, а к кому-то другому»; Ашу кернеген Қошкин не қыларын білмеді. Протокол жасайын деп ішкі қалтасындағы қарындашқа қолын салуға бір ойлап еді, тону мен ашу қабаттас қандықтан денесі де, қолы да қалшылдап кетті (С. Мұқанов) «Разгневанный Кошкин не знал что делать. Он хотел было достать карандаш из

внутреннего кармана, однако от холода и гнева дрожала не только рука, но и все тело».

II. Форма на **-ған**. Эта форма, продуктивна во всех тюркских языках. Она отличается богатством оттенков прошедшего времени. Сложность и многообразие грамматической природы прошедшего времени на **-ған** выявляется при анализе его временных и модальных оттенков. Эта форма, выражая конкретное действие, совершившееся в прошлом, приближается по своей семантике к форме на **-ды**. Так, форму на **-ған** в примере: Атын үй-ірге қайырып, Шоқпыт өзі қалада қонып қалған (Д. Аби-лев) «Отправив лошадь в табун, Шоқпыт заночевал в городе» вполне возможно заменить формой на **-ды**. И та и другая конструкции совершенно одинаково передают значение прошедшего конкретного времени. Однако это лишь общее для той и другой формы значение, за пределами которого начинаются более или менее различающиеся скрытые оттенки, выявляемые отношением этих форм к настоящему времени. Эти отличия заключаются, как указывал Н. К. Дмитриев, в том, что форма на **-ды** передает действие вне связи с настоящим временем, выражая лишь факт совершения действия в прошлом, тогда как вторая — форма на **-ған** — выражает прошедшее действие как бы с точки зрения его отношения к настоящему. Иначе говоря, қонып қалды «заночевал» завершает сообщение о имевшем место факте одной констатацией совершенного в прошлом действия, а форма на **-ған** как бы требует выяснения результата совершившегося действия теперь, в настоящем: қонып қалған «заночевал было тогда». В последнем случае говорящий обращает внимание не на факт совершения, не на динамику действия, а на его результат. Именно из этого положения исходят тюркологи называя эту форму перфектом. Значение ее является следствием природы самого причестия на **-ған**, употребляющегося в качестве сказуемого.

Н. К. Дмитриев рассматривает форму на **-ған** в башкирском языке как комбинацию элементов прошедшего времени с элементами настоящего и называет его «прошедшее-настоящее» (перфект). Форму алғанмын в башкирском языке он переводит как «я есмь тот, который взял (брал)».

Говоря о таких смысловых особенностях временных форм, Б. А. Серебренников пишет: «Особенность значе-

ний глагольных времен в значительной степени определяется историей их происхождения».¹

Если значение формы прошедшего времени на **-ған** с исторической точки зрения появилось действительно на почве такого определительного сочетания, тогда вполне возможно, что первоначально форма на **-ған** употреблялась в перфектном значении. Тем не менее, очевидно и то, что она в передаче значения прошедшего времени не может ограничиться лишь этой своей стороной.

Таким образом, форма прошедшего времени на **ған** в казахском языке как перфект употребляется в следующих случаях:

1. Для выражения результативного прошедшего времени. Например: Оның осы күншілдігін сынап Сұлтанмахмұт «Күншіл Ақ кірпік» деген өлең шығарған. (Д. Әбілев) «Бичуя именно эту ревнивость, Султанмахмұт сочинил стихотворение «Ревнивый Аккирпик»; Содан табандатқан үш ай төсек тартып, өлімнен әрең қалған (Д. Әбілев) «Пролежав таким образом в постели целых три месяца, он еле избежал смерти».

Форма прошедшего времени на **-ған** в первом примере не просто констатирует, что действие определенно имело место в прошлом. Помимо этого значения, оны связывается с настоящим факт сочинения Султанмахмұтом названного стихотворения и на этом именно говорящий делает акцент. То же видно и из второго примера.

О некоторых особенностях формы на **-ған** в диалогической речи И. Маманов пишет следующее:

«В диалогической речи значение формы давнопрошедшего времени выступает особенно четко:

— Жәкіш, сен Жүмекене неге сәлем бермейсің.

— Жүмекенді мен әлгіде көріп, сәлем бергенмін.— «Жакиш, почему ты не здороваешься с Жумеке?— я недавно виделся с Жумеке и поздоровался».

Во второй реплике говорящий (Жакиш) не просто сообщает о том, что он здоровался с Жумеке, а подчеркивает этот факт в связи с создавшейся в настоящем, в момент речи, ситуацией.»²

Еще несколько примеров: Бір күні нан дүкенінде ке-

¹ Серебренников В. А. О происхождении прошедших времен типа алғанмын, алыпмын в казахском языке.— Вопросы теории и диалектологии казахского языка. Вып. 3, А-Ата. 1960, с. 7.

² Маманов И. Қазіргі қазақ тілі. Етістік. Алматы, 1966, с. 127.

зекте тұрғам (С. Жүнісов) «Однажды я стоял в очереди в хлебном магазине»; Жок, мама. Жай эшейін. Кеше түні бойы емтиханға дайындалғам (С. Жүнісов) «Нет, мама. Так просто. Вчера всю ночь я готовилась к экзаменам».

И в этих примерах форма на **-ған** подчеркивает наравне с основным значением также то, что действие, передаваемое этой формой, как-то связано с другим действием, с другой ситуацией настоящего времени.

2. Форма прошедшего времени на **-ған** может выражать также постоянство результативности прошедшего действия. Ср.: Халқының мынау құрметіне, асылдарын еске түсіріп жатқан ұлы күнде жан күйігін сыртқа шығармастан тістей қатып, көңілін бейіл ұстауға бекіген (Д. Әбілев); Мінез әрекеттері де қазақтың былық-шылығымен кірленбеген. (Д. Әбілев).

Как видно из этих примеров, у формы на **-ған** результат действия, совершившегося в прошлом, как бы превращается в постоянное свойство лица, о котором идет речь.

В иных контекстно обусловленных случаях эта форма прошедшего времени сообщает о действии, свидетелем которого говорящий не был, но в достоверности и очевидности его совершения он не сомневается. Например: Шевченко өзінің Қаратауда экспедицияда болған кезінде жетпістен астам сурет салған (Е. Өмірбеков) «В время своей экспедиции в Каратау Шевченко сделал более семидесяти рисунков; Ж. Жабаев кедей семьяда туған, оның балалық шағы жоқшылықта өткелі «Дж. Джабаев родился в бедной семье, его детство прошло в нужде».

В таком употреблении функция формы на **-ған** сближается с формой прошедшего времени на **-ды**, более того, эти две формы в таких случаях вполне взаимозаменяемы.

3. Форма прошедшего времени на **-ған** может выражать различные степени в характере протекания действия. В этом определенную роль играют семантика основы глагола и контекст. Ср., например, передачу значения однократности действия: Е, жүр-дағы жынды неме. Бүгін осында маза бермеген соң әжең екеуміз қуып шыққамыз (М. Әуезов) «Да, ходит где-нибудь этот балбес. Мы с бабушкой выставили его за дверь, так как покая сегодня тут нам не давал».

Передача значения многократности, длительности:

Күнузын аттан да түспей, өзге жүргіншілерден оқ бойы алда отырған (М. Әуезов) «Целый день не сходил с лошади и ехал впереди других на почтительном расстоянии».

4. Форма на **-ған** передает действие, совершенное в прошлом и отстоящее от момента речи в различной степени отдаленности: Жұмабай қалада бұған түсініксіз біраз мінездер істеген (М. Әуезов) «Жұмабай вел себя в городе несколько странно»; Иә, мен соларды тексере келгемін (С. Жүнісов) «Да, я прибыл, чтобы проверить все это».

Все это показывает, таким образом, что форма прошедшего времени на **-ған** в современном казахском языке отличается рядом семантических (временных и модальных) особенностей.

III. Форма на **-ыпты**. Эта форма прошедшего времени является одной из самых продуктивных, не считая показателя прошедшего времени на **-ды**. Как указывают исследователи, форма прошедшего времени на **-ыпты** в романе М. Ауэзова «Путь Абая» имеет следующую частоту употребления: в третьем лице 1391 раз, во втором лице 54 раза и в первом лице 43 раза.¹

Функционально — семантические особенности этой формы прошедшего времени лучше всего выявляются при изучении ее отношения к моменту речи, а также ее модальных оттенков. В связи с этим необходимо рассмотреть те основные значения и оттенки, которые передаются с помощью этой формы.

Форма прошедшего времени на **-ыпты** употребляется в следующих значениях:

1. Наиболее общим значением этой формы является передача ею прошедшего действия, в совершении которого говорящий не участвовал, свидетелем которого он не был, а узнал о нем из последующих источников. Например: Соны іздеп табамыз деп, екеуі Қызылшоқының шығыс жаққа қараған шеткі тұмсығына дейін барып қалыпты (М.Әуезов) («В поисках его они, оказывается, не заметили, как дошли до самой крайней восточной оконечности Кызылшоқы»; Сіз Қарағанды мен Ақбұйратқа отыз жылдың ішінде төрт мыңнан аса жұмыскер жинап

¹ Мырзабеков С. Статистико-лингвистический анализ структуры глагола современного казахского языка. АКД, А-Ата, 1973, стр. 22.

беріпсіз (Ғ. Мүсірепов) «За тридцать лет вы дали более четырех тысяч рабочих для Караганды и Акбуйрата»;

Сол Тақыр Омардың ауылына бір бастығы мен жеті солдат барыпты. Омар бәрін алдап, жетеуін де өлтіріпті (С. Сейфуллин) «В аул этого самого Тақыр — Омара прибыли семь солдат с одним командиром. Омар хитро провел их и всех уничтожил».

В приведенных примерах форма прошедшего времени на **-ыпты** выражает реальные действия, но говорящий не был сам свидетелем или участником их совершения. Тем не менее он достаточно осведомлен о них из других источников.

2. Несколько своеобразно использование формы прошедшего времени на **-ыпты** в контексте сказочного повествования. Здесь это форма приближается к той, которая присуща речи любого устного повествования вообще, а также повествования в художественном тексте. Модальный оттенок, который вообще характерен для этой формы, в данном случае либо ослабляется, либо исчезает, уступая место передаче «чистого» прошедшего времени: Ертеде бір хан жұртына жар шақырыпты. Әр жерден ханның қызын алып, уәзір болуды сүйгендер келіп, ханның алдында қырық ауыз өтірік әңгіме сөйлеймін дегендердің бәрі де ұйқастырып айта алмай өліп кетіпті. Кейбіреулер айтармын-ақ деп құшырланып келсе, жүрексініп, ханның алдына кіре алмай сырттан қайтыпты. (Қырық өтірік) «В давние времена один хан издал указ. Со всех концов стали стекаться те, кто хотел стать везирем хана, женившись на его дочери. Однако все они, не сумев сочинить перед ханом сорок небылиц, гибли один за другим. Некоторые поначалу подходили очень смело, думая, что сумеют сочинить легко, но возвращались обратно, не осмелившись зайти к хану».

Такое употребление формы прошедшего времени на **-ыпты** в произведениях устного народного творчества — в сказках, сказаниях, легендах — является наиболее свободным от модальных оттенков.

Оно служит для более яркого, живого изображения совершившихся в прошлом действий, событий, для увеличения эмоционального воздействия на слушателя.

Здесь, однако, наблюдается и другой случай, а именно: наряду с формой прошедшего времени на **-ыпты** употребляются параллельно и другие формы, сравнение с которыми позволяет четче видеть специфику формы на

-ыпты. Например: Жи́ренше́нің әйелі аяққа ас кұйып, әуелі Жи́реншеге беріп, сонан соң әлгі қонаққа беріпті. Сонан соң Жи́ренше қолына берген айранын ұстап тұрып айтады. (Жи́ренше туралы» «Жена Жи́ренше нали́в в чашу айран, подае́т сперва́ мужу, а потом — тому́ го́стю. Когда́ Жи́ренше, держа́ чашу с айраном, которую́ пода́ла жена, говори́т».

В этом примере о событии рассказывается так, будто действие совершается в настоящий момент, что усиливает динамику изложения. Действия здесь перечисляются динамически. Соответственно, здесь проступает определенный модальный оттенок неочевидности, что еще ярче подчеркивается формой на **-ды** второго предложения: Жи́ренше айтады... Это уже форма настояще-будущего времени. Таким образом, описание самого события и сообщение о том, что было дано в разных временных формах, которые подчеркивают значение друг друга, но в то же время выступают как единое целое.

Форма прошедшего времени на **-ыпты** часто встречается также в разговорной речи, а в художественной литературе — в диалогах: Балам, ойың өсіп ержетіп қалыпсың-ау?! Молда болдың ба? Бойындай болып білімің де өсті ме? («М. Әуезов.) «Дитя мое, как ты вырос, возмужал! Ученым стал? Соответственно росту и знания твои, уж конечно, возросли!»; Жұманның қатыны, Қалиқа деген бір жеңгесі:— Телғара! Айналайын Телғара! Соқталдай азамат боп кетіпсің-ау!— деп мойнынан құшақтай алып, бетінен сүйді (М. Әуезов) «Телғара! Дорогой Телғара! В какого молодца ты превратился!— сказала жена Жумана, тетушка по имени Қалика, и поцеловала его в щеку, обняв за шею.

Как видно из этих примеров, форма прошедшего времени на **-ыпты** выражает действие, состояние, событие, о котором говорящий судит по наличному результату, который он неожиданно для себя обнаружил только сейчас: говорящий, который знал Абая раньше, но некоторое время не видел его, а теперь, увидев, как он вырос, выражает свое удивление. Иначе говоря, форма на **-ыпты** передает не только наличный результат действия, но и модальные оттенки неожиданности, удивления. Стоит заменить эту форму прошедшего времени другой, как исчезнут все эти модальные оттенки.

Разнообразны модальные и темпоральные оттенки формы на **-ыпты**. Одним из таких оттенков является пе-

рѣдача этой формой совершившегося в прошлом действия, очевидцем которого сам говорящий не был, а судит о нем по другим источникам: Кешке жолдастардың Байсейттен баскасы жұмыстан қайтты. Байсейт қашып кетіпті. (С. Сейфуллин) «Вечером все, кроме Байсейта, вернулись с работы. Байсейт, оказывается, убежал»; Отыз кісінің тағы бірнешеуі ұсталып, абақтыға түсіпті. Базаралы, Қараша болса қашып жүр деседі (М. Әуезов) «Несколько человек из тех тридцати, оказывается, пойманы и посажены в тюрьму. Что касается Базаралы и Караша, то они, говорят, скрываются».

В первом предложении сведение о том, что Байсейт убежал, стало известно из сообщения его товарищей, вернувшихся с работы, а во втором предложении об аресте названных лиц стало известно из распространившегося слуха. В том и другом примере форма на **-ыпты** отчетливо передает, что говорящий не был сам очевидцем совершившегося действия, а осознал, узнал о нем лишь после. Из приведенных, предложений ясно видно также, что данные события являются реальными фактами и имеют законченный характер.

3. Форма прошедшего времени на **-ыпты** выражает наличный результат действия. Ср.: Атын да, кісісін де болжай алмады. Әдейі танытпайын деп, бет-аузын таңып алыпты (М. Әуезов). «Ни коня, ни всадника не смог узнать. Лицо было забинтовано, должно быть, специально, чтобы скрыть». Как видно из этого примера, форма на **-ыпты** здесь выражает не столько действие, совершившееся в прошлом, сколько суждение о нем говорящего по наличному результату. При этом создается такое впечатление будто этот результат сохраняется в момент речи. В связи с этим следует отметить что такому оттенку способствует сам морфологический состав показателя прошедшего времени **-ыпты**, который распадается на аффикс деепричастия на **-ып** и показатель третьего лица **-ды, -ді, -ты, -ті**, восходящий в тюркских языках к служебному глаголу **тұр**. Он является в этих языках, одним из наиболее древних аффиксов что отмечено такими учеными, как Ф. Е. Корш, П. М. Мелиоранский, С. Е. Малов и др., труды которых широко известны тюркологическому миру. В последующем своем развитии, как уже не раз отмечалось исследователями, эта форма претерпела ряд фонетических изменений в результате постепенного выпадения ее компонентов: **турур — тур — ту**. Именно благо-

даря этому компоненту формы прошедшего времени на **-ыпты** повествование приобретает живой характер, говорящий выступает как бы очевидцем действия. Не случайно, что глагол **тўр**, к которому восходит аффикс **-ты**, в современных тюркских языках обозначает действие, которое уже совершилось, но продолжает восприниматься благодаря своему специфическому значению. Это же значение сохранилось и в аффиксе **-ты**. Безусловно, компонент **-ты** имеет значение не сам по себе, а в сочетании с деепричастием, равно как и последнее не само по себе придает глаголу значение прошедшего времени. Иными словами, в этой сложной форме в целом сочетается значение двух компонентов, которые и дают форме сложное перфектное значение. Неслучайно также, что форму прошедшего времени на **-ыпты** некоторые ученые называют «прошедшее повествовательное», «прошедшее в настоящем»¹ или «прошедшее-настоящее»², «прошедшее время с наличным результатом»³ и т. д.

Таким образом, форма прошедшего времени на **-ыпты** обозначает одновременно реальность действия, его совершенность, его результат в настоящем и динамику действия. Все это придает повествованию живость и определенную модальность. Эти значения особенно ярко выражаются в художественных произведениях в речи персонажей, в диалоге. Мы находим широкое употребление этой формы и в разговорной речи. Замена ее другими формами прошедшего времени приводит к исчезновению всех оттенков формы на **-ыпты**, благодаря чему можно увидеть все смысловые особенности данного форманта.

Еще одна примечательная особенность формы прошедшего времени на **-ыпты** наблюдается в приводимых ниже примерах: Акша кардын үстінде бадырайып үлкен із жатыр. Беті Тастықұмдыққа қарай кетіпті (М. Әуезов) «На белом снегу отпечатаны громадные следы. Они уходили в Тасты-кумдык»; Келсем әкей тұзаққа түскен құсты бешпетінің шалғайына орап қойыпты. Тап бір жаяу жарысқа түскендей екі иінінен дем алып отыр. (А. Сей-

¹ Баскаков Н. А. Краткая грамматика каракалпакского языка. г. Турткуль, 1931—1932, с. 88—92.

² Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М. Л. 1960, с. 221, 222, 223.

³ Баскаков Н. А. Очерк грамматики каракалпакского языка, Каракалпакско-русский словарь. М., 1958, стр. 852—853.

дімбеков) «Я прихожу и вижу, что отец завернул попавшую в силки птицу в свой бешмет. Она так часто дышит, будто участвовала в пешем соревновании».

Основная смысловая особенность форма прошедшего времени на **-ыпты** в приведенных примерах заключается в том, что она выражает действие, процесс в их конечном результативном состоянии. Иначе говоря, в этой форме выражено действие, которое не только уже совершилось, осуществилось, но как бы продолжает свое существование, свое наличие в настоящем в виде результата. Глагол не просто обозначает осуществившее, совершившееся действие, но и называет действие, перешедшее в состояние.

Образованное формантом **-ыпты** прошедшее время может иметь весьма различные оттенки значения в зависимости от контекста, а также лексического значения самой глагольной основы. По этому поводу высказывались многие тюркологи, исследовавшие временные формы прошедшего времени в различных тюркских языках. Так, В. М. Насилов называет эту форму «прошедшим совершенным с наличным результатом».¹ Н. Т. Сауранбаев пишет: «Эта форма выражает действие, происшедшее и закончившееся в далеком прошлом, а в момент речи лишь вспоминающееся»². А. Н. Кононов называет эту форму «прошедшим субъективным» и отмечает, что «значение данного времени складывается из четырех главных моментов: 1. Момент следствия, 2. момент сомнения, 3. момент исторической передачи, 4. момент внезапного умозаключения»³. Е. Д. Поливанов называет данную форму прошедшего времени «разговорной формой перфекта»⁴.

Описывая разные значения и оттенки, функции формы прошедшего времени на **-ыпты**, мы выделяем в основном две ее характерные особенности: 1. употребление для выражения таких действий, которые являются неожиданными для говорящего, знание о которых почерпнут им не путем личного наблюдения, а из других источников; 2. употребление, для обозначение такого дей-

¹ Насилов В. М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940. с. 35.

² Сауранбаев Н. Т. Семантика и функции деепричастий в казахском языке. А., 1944, с. 19.

³ Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, с. 221.

⁴ Поливанов Е. Д. Введение в изучение узбекского языка, Вып. 1 Ташкент, 1925, с. 93.

ствия, которое известно не из других источников, а когда говорящий является его очевидцем, но сам факт его совершения для него был неожиданностью. И действительно, как единодушно считают многие исследователи, эта форма употребляется при выражении давно или не так давно прошедшего действия, в котором говорящий не участвовал, но узнал о нем от других лиц, из другого источника или путем умозаключения.

Все то, что сказано выше о форме прошедшего времени на **-ыпты** не может, однако, охватить всех особенностей употребления ее в различных контекстуальных случаях. Это, видимо вообще невозможно и не является главной целью нашей работы. Эта форма не только имеет широкую зону употребления, но и отличается большой распространенностью, большей по сравнению с другими формами прошедшего времени употребительностью во многих тюркских языках. Необходимо отметить также и то, что значение прошедшего времени на **-ыпты** в тюркских языках во многом и не совпадает.

Значение формы прошедшего времени на **-ыпты** может видоизменяться также в зависимости от того, окончания какого лица она принимает.

В названной выше работе Н. Т. Сауранбаев пишет, что «особенность этого времени изъявительного наклонения состоит в том, что оно образуется от деепричастия на **-п** путем присоединения к нему личных окончанию 1, 2, 3 лица, которые благодаря звуковому закону (сингармонизму) изменяют свое внешнее начертание»¹. Например: мен барыппын, биз барыппыз, сен барыпсың, сендер барыпсыңдар, ол (олар) барыпты! Как видно из примеров, видоизмененный аффикс **түр** устойчиво в виде **-ты** сохранился в казахском как и для ряда других тюркских языков в третьем лице единственного и множественного числа (барыпты). В уйгурском языке, например, аффикс **-ты (-ту)** сохраняется и в первом лице: бериптимән (от бар-ип-ту-мән).

Однако, независимо от наличия или отсутствия стяженного аффикса **-ты** в других, т. е. в 1-м и 2-м лицах, можно говорить о первом или втором лицах формы прошедшего времени на **-ыпты**. Дело в том, что по своему значению эта форма, может быть объединена с показа-

¹ Сауранбаев Н. Т. Семантика и функции деепричастия и казахском языке. А., 1944, стр. 19.

телями оформленными окончаниями второй группы: **-пын, -пін.** Форма прошедшего времени с этой конструкцией также выражает неожиданность и удивление совершившимся фактом: действие, знание о котором почерпнуто говорящим из других источников, путем умозаключения, оказывается для него неожиданным. Ср.: Мен оған қарап қалыппын «я, оказывается, так и застыл, глядя на него»; Есімнің шыққаны сонша... жота жағымды қамшылай беріппін (М. Әуезов) «Я до того растерялся, что стал бичевать коня по хребту».

Таким образом, определение сферы употребления и функций формы прошедшего времени на **-ыпты** дает возможность для выяснения функционально-семантического потенциала этой формы. Форма прошедшего времени на **-ыпты** — это конструкция с самыми различными временными и модальными оттенками, широко употребляемая в разговорной речи, художественной литературе, фольклоре.

IV. Форма на **-атын.** Эта форма прошедшего времени в казахском языке является плодом более позднего развития языка. Она восходит к сочетанию причастия тұрған и деепричастия на **-а, -е, -й** в последующем развитии которого происходило постепенное выпадение компонентов в следующей последовательности: атұрған > атұған > атуғын > атын. Эта форма прошедшего времени не характерна для многих тюркских языков.

Одной из семантических особенностей данной формы прошедшего времени является повторение совершенного в прошлом действия, его постоянство, обычность. Выявление его смысловых оттенков дает возможность для познания и его грамматической природы.

Приведем примеры: Олар осы соңғы мінезді көп қол данатын. Екеуі де жарытып, тіс жарып сөйлемейтін (М. Әуезов) «Этот последний свой шанс они использовали чаще всего. Оба упорно молчали и толком ничего не говорил; Кейінгі туған балалар да шын атын естімеген соң, «Шығайбай, шық бермес Шығайбай» деп ит қосып шуласатын. (О. Бөкеев) И последующие его дети, поскольку не слышали его имени, все кричали и шумели: «Шығайбай! Эй, скупой, снега не выпросишь зимой!»

Временное соотношение и характеристика действия, передаваемого формой на **-атын**, выражаются также с помощью отдельных лексических элементов — обстоятельственных и иных слов, конкретизирующих данное

временное значение. Это слова типа үнемі, ұзақ, көбінесе, ылғи, кейде оқта-текте, әдетте, талай и многие другие. Например: Адам пішіні әрдайым бұған бір тамаша, өзгеше қызық сурет тәрізденетін (М. Әуезов) «Человеческая фигура казалась ему всегда какой-то удивительной, необычной картиной»; Содан Тырекең жыл сайын әкесінің басына барып, құран оқып, түнеп қайтып жүретін (Т. Әбдіков) «С тех пор Тыреке каждый год ходил к могиле отца, читал там молитвы, ночевал там»; Ол кезде мен махаббат басқа шаруашылықтар сияқты ешқандай жоспарға бағынбайтын, оның даму, өсу, өшу заңдары бөтен екенін білмейтінмін. (М. Мағауин).— «Тогда не знал, что любовь не подчиняется никому плану, как иное хозяйство, что законы ее зарождения, развития и угасания совсем иные;» Қазақтың халық әндерінде концертте көп айтатын (Қ. Байсейітов) «На концертах много использовались и казахские народные песни».

Эта форма прошедшего времени выражает действие или состояние как постоянное свойство лица, предмета в прошлом: Шәкен Шекспир пьессаларындағы бейнелерді ойнауға қатты құмартатын (Қ. Кенжетаев) «Шәкен мечтал об образах шекспировских пьес»; Ол ертекті Қондыбай тыңдаушының есінен тандыра айта білетін (Ә. Әбішев) «Эту сказку Қондыбай умел рассказывать так, что слушающий забывался»; Бұл алты жігіт көбінесе жұптарын жазбай бірге жүретін (Қ. Байсейітов) «Эти шесть джигитов обычно ходили все вместе, никогда не нарушая свой строй».

Форма на -атын выражает регулярно повторявшееся в прошлом и приуроченное к определенному отрезку времени действие. Как правило, это значение проявляется в тех случаях, когда говорящий рассказывает о чем-нибудь в форме воспоминания: Ол кезде қаланың шет жағында тұратынбыз (Қ. Кенжетаев) «Тогда мы жили на окраине города»; Баяғыда бригадада жұмыс істеп жүрген кезде макарон көжені кім бұрын ішеді деп жарыс ұйымдастыратынбыз. (О. Бөкеев) «В те времена, когда мы работали в бригаде, мы организовывали соревнования, кто раньше съест макаронный суп.»; Жұмысқа барғанда, қайтқанда қаланың «Славодка» деген шет жағын аралап өтетінбіз (С. Сейфуллин) «Когда мы шли на работу или возвращались с работы, проходили обычно через пригород, называемый слободкой».

Как видно из приведенных примеров, говорящий рас-

сказывает о действиях, событиях как очевидец. В предложениях часто употребляются обстоятельственные или иные слова, которые подчеркивают действие, действительно совершившееся в определенное время в прошлом свидетелем, очевидцем которого был сам говорящий.

Форма прошедшего времени на **-атын** выражает, что действие повторялось в прошлом систематически, регулярно, в одних и тех же известных условиях: Ақсақал мал қоралап болып, жайланып шайын ішіп, қазанаспаның аузында кейде жылтылдап, кейде лапылдап жанып жатқан отты көріп, бұрқылдап қайнап жатқан еттің иісі мұрнына келіп отырғанда әңгіме айтатын. (М. Әуезов) — «Загнав скот в скотный двор, аксакал начинал свой рассказ обычно тогда, когда, неспеша попив чая, глядит на огонь в очаге, который то тихо мигал, то разгорался бурно, и до него доходил запах бурлящего в казане мяса»; Лекция аралығындағы үзілістерде Сәкен аға ұстаздар бөлмесіне бармайтын, шылым тартпайтын, қалтарыста әлгі курс студенттерінің арасында тұрып әңгіме жүргізетін. (М. Қаратаев). В перерывах между лекциями Сакен ага не уходил в преподавательский кабинет, не курил, а присоединялся к студентам и беседовал с ними».

В первом предложении мы видим одну грань, одну из сторон повседневного жизни старика. Это тот именно момент, когда он обычно приступал к своим рассказам. И это превратилось для него, для его слушателей в привычку, систематически повторяющейся в определенный момент, в определенных условиях. И во втором предложении происходит то же самое, то есть действия, поведение Сакена обычно проявлялись также в определенных условиях, в определенное время и повторялись систематически.

К одной из семантических особенностей формы прошедшего времени на **-атын** является выражение ею привычности действия, совершавшего в прошлом: Сол өзі аралаған халықтың жақсы әндерін айта жүретін. (Қ. Байсейітов) — «Он постоянно включал в свой репертуар хорошие народные песни, которые сам записывал среди народа»; Бұл жерді мекен қылған ел ерте күннен аталарының қонысы болғандықтан және басқа ірге аударарлық жайлы жері жоқтықтан, «құдайыңа жылап» отыра беретін. (М. Әуезов) «Поскольку населявшиеся ими места были испокон поселениями их отцов из-за

того, что не было другой, более или менее пригодной земли, они сложа руки жаловались своему богу и ждали».

Еще одной специфической семантической стороной формы прошедшего времени на **-атын** является выражение того, что действие, происходившее в прошлом, превратилось в привычку действующего лица: Ол әр кезде де отырысымен әңгімені жұмыстан бастамайтын (А. Жұбанов) «Он никогда не начинал рассказ со служебной темы»; «Тек демалыс күндері ғана ұй шаруасын істеп алуына машинисткасын босатып, өзі демалып, ұзақ-ұзақ серуендер жасайтын (Ә. Нұршайықов) «Только по выходным дням он отпускал свою машинистку для ее домашнего хозяйства, а сам отдыхал, долго прогуливался».

В этих предложениях форма на **-атын** означает, что говорящий то или иное свое действие превратил в постоянную, повторяющуюся привычку, а также обращает внимание на присущую действующему лицу особенность, черту поведения.

В современном казахском языке существует, однако, и другой вариант данной формы более архаичный. Это аффикс **-атұғын// -етұғын**.

Показатель **-атын**, о котором говорилось выше, является фонетически видоизмененным вариантом этого последнего. Разница между ними заключается в том, что **-атын** является основным и общелитературным вариантом, что же касается **-атұғын**, то он является достоянием языка художественных произведений или диалектной речи. Приведем некоторые примеры употребления формы прошедшего времени на **-атұғын**: Ұзақ жорық болса да, көбінше жалғыз-жалғыз аттанатынбыз (М. Әуезов) «Если даже поход был далекий, мы все равно отправлялись в путь каждый в отдельности, в одиночку»; Бұрын әр кім қандай кезде бейітті жерде жын-пері, жезтырнақ дегендер кездеседі дейтұғын (М. Әуезов) Раньше в таких случаях каждый говорил, что обычно на кладбищах встречаются злые духи, черти, джезтырнаки».

Эта форма встречается в современном языке очень редко. Она присуща, как уже мы отметили, письменному языку художественной литературы.

Следует сказать, что не только форма **-атұғын**, будучи более архаичной, является малоупотребительной, но и сама форма **-атын** употребляется реже, чем другие фор-

мы прошедшего времени. Более широкое и свободное употребление она имеет в произведениях, написанных в жанре воспоминаний. Однако и здесь она весьма специфична, не имеет в языке синонимических, заменяющих ее форм, поэтому она занимает в языке особое место по сравнению с другими формами прошедшего времени.

Другая особенность этой формы в современном казахском языке заключается в том, что она практически не находит соответствий в других тюркских языках. Можно лишь указать на наличие такой ее фонетической разновидности, как **-диган**, но в основном ее функцию выполняют в той или иной степени формы со служебным глаголом **-е**.

Таким образом, форма прошедшего времени на **-атын** в современном казахском языке выражает различные оттенки основного значения, заключающегося в том, что действие, происшедшее в прошлом, не закончилось. Эти оттенки суть повторяемость, длительность, систематичность, привычность указание на то или иное свойство, характеристику действия, на определенный, конкретный отрезок времени и т. д.

Выводы:

1. Несмотря на наличие единой семантики (выражение действия, происшедшего до момента речи), каждая из форм прошедшего времени имеет свои индивидуальные особенности.

2. Форма на **-ды** употребляется в следующих функциях: а) для обозначение конкретного действия, очевидцем или участником которого был говорящий; б) в сообщении о достоверном событии, которое представляется совершающимся как бы в данный момент; в) в сообщении о событиях, участником которого обычно бывает говорящий; г) в диалогах или монологах для передачи речи персонажей в художественной литературе.

3. Удаленность действия выражаемого формой прошедшего времени на **-ды**, от момента речи определяется в первую очередь контекстом или лексическим значением основы глагола, к которой присоединяется данной аффикс.

4. Форма на **-ган**, выражающаяся конкретное действие, совершившееся в прошлом, употребляется прежде всего в значении перфекта; а) для выражение результативного прошедшего времени; б) для выражения постоянства результативности прошедшего времени, т. е. ре-

зультат действия как бы превращается в свойство лица, о котором идет речь; в) для выражения различных способов протекания действия. (Однократность многократность) При этом форма на **-ған** может передавать действие, отстоящее от момента речи в различной степени отдаленности.

2. АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Аналитические формы прошедшего времени выделяются среди индикативных структур своей моночисленностью и многообразием смысловых оттенков. Данное обстоятельство является одной из причин того, что эта проблема не нашла еще своего более или менее однозначного решения не только в казахском языкознании, но и в тюркологии вообще¹. Какие конструкции относятся к аналитическим временным формам, какие критерии могут быть применены при их определении, какие действуют закономерности — эти вопросы все еще ждут исследований, которые привели бы, наконец, к единому мнению. Однако принципы выделения аналитических форм различными авторами пока не совпадают, вследствие чего одни и те же конструкции одни ученые относят к аналитическим, другие же не относят.

Ознакомление с тюркологической литературой, посвященной этой категории, показывает также, что авторы часто смешивают аналитические формы времени с другими глагольными категориями, такими как модальность, наклонение.

Как известно, аналитические конструкции образуются с помощью так называемых служебных или вспомогательных глаголов. Ни количественная, ни тем более качественная характеристика этих глаголов в имеющейся литературе не отличаются оригинальностью, хотя единство мнений исследователей по их поводу все же отсутствует. Вот, например, ряд высказаний о вспомогательных глаголах:

1. Вспомогательный глагол, находясь вне составе аналитической конструкции, употребляется в своем ос-

¹ Оралбаева Н. О. Аналитические формы глагола в современном казахском языке. АДД, Алма-Ата, 1971, с. 3.

новном лексическом значении. Ослабление этого значения происходит только в сложной конструкции.¹

2. Служебное слово является таковым только формально².

3. Служебные глаголы уподобляются, сравниваются с аффиксами³.

Все сказанное выше об аналитической конструкции и ее втором компоненте — вспомогательном глаголе в равной степени относится и к формам прошедшего времени. И здесь нет общего принципа в выделении сложных форм прошедшего времени, ученые подходят к этому вопросу с различных позиций, из-за чего разными исследователями выделяется различное количество аналитических форм прошедшего времени. В силу этого по нашему для определения принадлежности той или иной конструкции со вспомогательным глаголом к определенной временной категории необходимо выяснить следующие основные моменты: во-первых, что является базой для сложных временных форм, на чем мы основываемся, относя то или иное сочетание к выделяемой нами категории? Во-вторых, с помощью каких глаголов и форм сочетаний образуются сложные глаголы, которые относятся к аналитическим формам прошедшего времени? В-третьих, какими семантическими особенностями наделены сложные формы времени?

Почти во всех близкородственных тюркских языках аналитические формы прошедшего времени образуются в основном с помощью ограниченного круга служебных глаголов. Однако доля участия этих глаголов в образовании сложных форм времени в различных тюркских языках неодинакова. В некоторых языках широкое распространение получили спрягаемые глаголы, которые в других языках имеют ограниченную сферу использования. Зато в последних в функции служебных компонентов сложных глаголов более употребительны совсем другие глаголы. В целом же во всех тюркских языках

¹ Бертагаев Г. А. Сочетание слов и аналитическая конструкция. — В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л., 1965, стр. 105—106; Смирнов С. М. Об аналитических формах слова. Там же, стр. 122.

² Суник О. П. Аналитическая форма слова и аналитический строй языка. Там же, стр. 75—76, 78.

³ Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях. Там же, стр. 5.

сложные глаголы, или аналитические формы времен, в особенности прошедшего времени, представляет собой чрезвычайно распространенный тип глагольных образований.

В современном казахском языке такие образования довольно многочисленны, от сходных с ними форм они отличаются своими специфическими особенностями формального и семантического порядка. Прошедшее время в нем представлено целым рядом аналитических форм, образованных сочетанием причастия на **-ған, -ген, -қан, -кен** и деепричастия на **-а, -е, -й** со вспомогательным глаголом **еді**. Этими формами являются следующие:

1. **-ған еді**. Эта аналитическая форма прошедшего времени, образованная сочетанием основного глагола в форме причастия на **-ған** со служебным спрягаемым глаголом **-еді** наиболее употребительна во всех языках кыпчакской группы. В этих языках она обычно называется рядом терминов, объединяющихся одним общим смыслом: плюсквамперфект, давнопрошедшее, предпрошедшее, прошедшее предшествующее.

В работах казахских лингвистов это время обозначается следующим терминологическим рядом: қатысты өткен шақ «прошедшее относительное» (И. Маманов), анық өткен шақ «прошедшее определенное» (А. Исаков), айғақты өткен шақ «прошедшее достоверное» (Т. Қордабаев), бұрынғы өткен шақ «давнопрошедшее сложное» (Г. Абуханов, С. Кеңесбаев, С. Жиенбаев).

Одной из особенностей употребления аналитической формы прошедшего времени заключается в том, что она выражает действие предшествующее определенному моменту прошлого.

В казахском языке аналитическая форма прошедшего времени на **-ған еді** имеет следующую парадигму спряжения:

Мен барған едім.	Біз барған едік.
Сен барған едің.	Сендер барған едіңдер.
Сіз барған едіңіз.	Сіздер барған едіңіздер.
Ол барған еді.	Олар барған еді.

Отрицательная форма этой конструкции образуется тремя способами:

1. Присоединением к глагольной основе аффикса отрицательной формы **-ма, -ме, -па, -пе, -ба, -бе**: бармаған едім, бармаған едің и т. д.

2. С помощью служебного слова **емес**, следующего за причастной формой глагола **-ған**: барған емес едім, барған емес едің.

3. С помощью модального слова **жоқ** в той же позиции, что и слово **емес**: барған жоқ едім.

Приведем несколько примеров употребления формы прошедшего времени на **-ған еді**:

а) Босағадан тиген орында отырған Сұлтанмахмұт көзі Мүсіреп шешей жақтағы бір нокаттан айрылмаған еді. (Д. Әбілев) «Сұлтанмахмұт, которому досталось место у порога, не отрывая глаз, глядел в одну точку мимо тетушки Мүсреп»;

Жетім қалған Мадина мен Атшабарды аталас ағайындардың бірі қолына алған еді (Д. Әбілев) «Осиротевших Мадину и Атшабара взял к себе один из сводных братьев».

Аналитическая форма прошедшего времени на **-ған еді** в приведенных примерах выражает действие, предшествовавшее другому прошедшему действию.

б) Әкесіне айтпақ боп жүрген ауыр сырын Султанмахмұт осы арада осылай айтып салған еді (Д. Әбілев) «Свою тяжкую тайну, которую собирался открыть отцу, Султанмахмұт вот так тогда и открыл»;

Бибіш самауырының отын-суын әзірлеп болды да, алдымен нан илеп, пісірмек боп ауыздағы бөлмеге кірген еді (Д. Әбілев) «Бибіш приготовила дрова и воду для самовара и уже было вошла в переднюю для того, чтобы заместить тесто для выпечки хлеба».

Действия, переданные этими же формами прошедшего времени, являются фоном для других действий.

в) Бұлар алғашқыда қалың топқа жоламай, ұялып, өмірі істемеген кәсібіне арланып, жәрменкешілердің шет жағында болған еді (Д. Әбілев) «Поначалу они избегали людей, держались краев ярмарочной толпы, потому что стыдились своего нового занятия, которым никогда в жизни не занимались».

Соңғы төрт жылда Султанмахмұт бойы өсіп, азамат болып қалған еді (Д. Әбілев) «В последние четыре года Султанмахмұт вытянулся и стал совсем взрослым».

В приведенных выше и многих других подобных примерах форма времени на **-ған еді** не просто констатирует факт совершения действия в прошлом, но в то же время ясно указывает на то, что данное прошедшее действие является своеобразным фоном другого действия,

фоном, на котором последнее развивалось, совершалось. Таким образом, действию, заключенному или передаваемому этой формой времени, присуща связь с другим действием, также совершавшимся в прошлом. Так, если говорящий сообщает Болат келген еді «Болат приходил», то для слушающего становится ясно, что с ним, с Болатом, связано какое-то другое действие, совершенное им вскоре после прихода: скажем, он дождался кого-л, и ушел или сделал что-нибудь или вмешался в событие, которое станет известным другому лицу, и т. д.

Аналитическая форма прошедшего времени на **-ған еді** выражает очевидное для говорящего действие, свидетелем которого он был сам или о котором знает из других надежных источников. Эта особенность формы прошедшего времени на **-ған еді** особенно отчетливо выступает при сравнении ее с конструкцией **-ған екен**, которая выражает действие, о совершении которого говорящий знает из другого источника, не будучи сам свидетелем, очевидцем или участником его.

Аналитическая форма прошедшего времени на **-ған еді** может передавать, а зависимости от контекста, также действие, произошедшее в ближайшем прошлом, только что. Но как бы ни было, такое действие в любых условиях будет обязательно связано с каким-либо другим действием, событием, фактом.

2. **-ып еді**. Конструкция прошедшего времени, образованная сочетанием основного глагола в форме деепричастия на **-п, -ып, -п** со служебным глаголом **е** плюс личное окончание второй группы, в литературе по современному казахскому языку имеет следующие наименования: давно прошедшее время, прошедшее время, прошедшее очевидное, прошедшее относительное.

Парадигма спряжения этой формы такова:

Мен барып едім	Біз барып едік
Сен барып едің	Сендер барып едіңдер
Сіз барып едіңіз	Сіздер барып едіңіздер
Ол барып еді	Олар барып еді.

Основной смысловой гранью этой сложной формы прошедшего времени, отличающей ее от других форм, является выражение сопричастности одного действия к другому, совершение в прошлом действия, предшествующего другому действию, событию. В этом отношении эта

форма очень близка конструкции **-ған еді**, о которой шла речь выше. (Оралбаева, 1979).

Алдында бейттиң іші тіпті қап-қараңғы болып, көрдей азынап тұрған соң, алғашқы кірген жерде кішкене етім сескеніп еді (М. Әуезов) «Так как в гробнице было темным-темно и звенело, поначалу я несколько опешил».

Аналитическая форма прошедшего времени на **-ып еді** в разных тюркских языках называется по-разному, и в этих названиях соответственно, отражаются различные смысловые оттенки, ею передаваемые. В результате одна и та же форма не только в разных языках, но и в одном и том же языке именуется различно, а разноречивой в терминологии, в свою очередь, привел и к разноречивости в решении вопроса.

В настоящее время эта форма называется в тюркологической литературе «предпрошедшим временем»¹, «давнопрошедшим»², «плюс-квамперфектом»³, прошедшим незаконченным»⁴.

По различному определяется форма прошедшего времени на **-ып еді** также в дореволюционных работах, посвященных изучению времен казахского глагола. М. Терентьев в своей грамматике называет ее «давнопрошедшим временем»⁵, П. М. Мелиоранский — «прошедшим повествовательным»⁶. В. В. Катаринский, обозначив форму на **-ып еді** термином «настоящее прошедшее», писал, что она «выражает прошедшее действие, которое еще не совсем кончилось, и переводится через русское было, біз онда барып едік — мы думали было схать туда, алып едім — я взял было»⁷.

Однако выводы ученых прошлых лет большей частью мало подтверждаются фактами языка. Так, например, замечания П. М. Мелиоранского о том, что форма на

¹ Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 224.

² Есемуратов А. Каракалпак тилинің грамматикасы, I. Нокис, 1953, стр. 148.

³ Поливанов Е. Д. Введение в изучение узбекского языка, Т., 1925, стр. 95.

⁴ Фоненко В. И. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940, стр. 98.

⁵ Терентьев М. Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская, СПб., 1875, стр. 148.

⁶ Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I. СПб., 1894, стр. 55.

⁷ Катаринский В. В. Грамматика киргизского языка. Фонетика, этимология и синтаксис. Оренбург, 1987, стр. 179—180.

-ып еді выражает незаконченное или, как говорит автор, не совсем законченное действие, не соответствует действительности. Что касается перевода этой формы на русский язык через слово «было», то это говорит не о том, что действие не закончилось, а о том, что выраженное формой на **-ып еді** действие, будучи уже законченным, совершенным, предшествует другому действию, которое может быть выяснено только после ознакомления с более широким контекстом, после дальнейшего рассказа. Поэтому пример П. М. Мелиоранского **біз онда барып едік** должен быть переведен «мы было уже приехали туда», а не «мы думали было ехать туда».

Ближе к действительности Н. Сауранбаев, считающий, что форма на **-ып еді** выражает недавно прошедшее действие которое как бы переходит в настоящее, хотя он назвал эту и временную форму не совсем удачным термином «имперфект», применяемым для индоевропейских языков¹.

Таким образом, аналитическая форма прошедшего времени на **-ып еді** относится к малоизученной временным категориям, ее грамматическая природа пока полностью не раскрыта.

Самым распространенным наименованием этой морфологической единицы в казахском языкознании является термин «давнопрошедшее время». Что это не самое подходящее название, подтверждают факты не только казахского языка, но и других тюркских языков. Время совершения действия, выраженного формой **-ып еді**, может быть удалено от момента речи на самые различные расстояния: оно может быть совершенным совсем недавно, только что, некоторое время раньше, довольно отдаленное время, очень давно.

Например: **Жабай ол күні кәрі әкесі Талтаяқты Майқұдық бұлағына шомылдырып алуға әрең көндіріп еді** (Ғ. Мүсірепов). В тот день Жабай еле уговорил отца искупаться в источнике Майкудук».

Бүркітшілер тобы тұрғыға келіп, бүркіттің томағасын сыпырған кезде шығыс жақтан құлан иектеп көтерілген күн сәулесі айналаны айқындап қалып еді (С. Бегалин). «Когда охотники с беркутами прибыли к стоянке и сняли с беркутов томагу, лучи поднимающегося с востока солнца, начали освещать все вокруг».

¹ Қазіргі қазақ тілі. Алматы, 1954, с. 312.

По приведенным примерам нельзя точно определить степень отдаленности действия от момента речи. Уточнения в этом плане могут быть обнаружены в том случае, если в контексте, который сам по себе ничего не проясняет, имеются специальные лексические элементы, имеющие обстоятельственные значения или точно указывающие на время совершения действия, что видно из следующих примеров:

Кеше Жабай қасына Көбейді алып барып еді, шал сөзге келген жоқ (Ф. Мүсірепов) «Вчера Жабай приходил вместе с Кобеем, но к старику так и не вернулся дар речи»; Бұдан бұрын, жазғы тұрымғы Уақытта Сыздық қырда жүргенде 17-жылдың февраль өзгерісі болған хабарын естіп, қалаға барып қайтып еді (М. Әуезов) «До этого, когда Сыздық летом находился в степи и узнал о февральских событиях 17-го года, он съездил в город».

Как видно из приведенных примеров, особенности аналитической формы прошедшего времени на **-ып еді** зависят от контекстуальных условий — от микро- и макроконтэкстов. Дополнительные лексические элементы, проясняющие тот или иной оттенок, вариант основного значения, могут отсутствовать в том и другом контексте. Однако время совершения действия в определенный момент прошлого передается обычно и в большинстве случаев в макроконтэксте, где, как правило, бывает выражено предшествующее действие, то есть вполне конкретное действие, причем значение предшествования сохраняется и тогда, когда форма на **-ып еді** указывает на действие, происходившее в определенный момент прошлого: Божей Құнанбайға ажырайып, тіксіне қарап еді, аямас түсі айқын екен (М. Әуезов) Божей в упор взглянул было на Кунанбая, и понял, что он неумолим»; Жігіт есікке ұмтылып еді, Гафура есікті қайта жауып алды (Р. Сейсенбаев) «Джигит устремился было к двери, но Гафура опять захлопнула ее».

В этих примерах форма прошедшего времени на **-ып еді** выражает действие, которое совершилось раньше другого действия, то есть выражает предшествующее действие.

Иногда предшествующее действие, выраженное формой на **-ып еді** может быть осложнено причинно-следственными отношениями двух взаимообусловленных действий. Можно найти много примеров подобного рода

даже среди приведенных нами выше, поэтому ограничимся здесь одним: Шешесі тағы екі-үш бауырсақ беріп еді, басқалары, қаспақ тұмсыққа көзін аларта қарады. (Ғ. Мұстафин) «Мать дала ему еще несколько баурсаков, так что другие стали глядеть на него с завистью».

Таким образом, можно было бы говорить об особенностях употребления формы прошедшего времени на **-ып еді** в составе сложноподчиненного предложения, ибо именно в таком широком контексте обычно и проявляются временные границы выражаемого ею действия — отдаленность его от момента речи. Однако и здесь трудно определить эти границы, если отсутствуют уточняющие их отдельные лексические элементы, о которых только что шла речь.

В связи с особенностями употребления формы на **-ып еді** в сложноподчиненном предложении следует обратить внимание на следующее обстоятельство, а именно: аналитическая форма на **-ып еді** может быть присоединена к простой глагольной основе (кел-іп еді), может быть присоединена к сложному глаголу, т. е. к аналитической форме (келіп қал-ып еді), выражающей, помимо основного действия, также и характер протекания действия. В последнем случае употребляются две аналитические формы одновременно. В работах, посвященных временам глагола, в частности прошедшему времени, этот второй случай обычно не выделяется, что приводит к неправомерным выводам. Между тем такое употребление двух аналитических форм не проходит бесследно для значения изучаемой временной категории. Ср., например: Қодар тағы лағнат айтып айғайлай беріп еді, сыртынан бір қатты күш тарпып жібергендей болды (М. Әуезов) «Кодар, посылая проклятия, начал было кричать, но какая-то сила извне отозвалась эхом». Как видно из этого примера, аналитические формы **-й бер** и **-ып еді** употреблены в сочетании друг с другом. Первая выражает характер протекания действия, то есть его повторяемость, вторая незаконченность действия, совершившегося в прошлом. В целом форма **-й беріп еді** употребляется в сложном предложении в составе сказуемого придаточного предложения: Бала көп ішінен ең алдымен өзінің шешесін көріп, соған қарай жүре беріп еді, шешесі анадай жерде тұрып: «Әй, шырағым балам, әуелі аржағындағы әкең тұр, сәлем бер» деді (М. Әуезов) «Ребенок, увидев среди людей в первую очередь свою

мать, пошел было сперва к ней, но та сказала еще издали: «О сын, мой, дорогой вон там за тобой стоит твой отец, поздоровайся сначала с ним!».

Форма прошедшего времени на **-ып еді** встречается, хотя и редко, в составе простого предложения: Осы төрде бурыл ат есік пен төрдей алға түсе беріп еді (М. Әуезов) «На этом подъеме чалый вырвался вперед на расстояние в две сажени».

Смысловая конкретизация формы на **-ып еді** в таком простом предложении может быть установлена опять таки в логической связи с другими соседними предложениями, то есть в широком контексте, и только тогда можно сказать определенно, окончательно «вырвался чалый» в приведенном предложении или что-то помешало ему в тот момент, когда он уже было вырвался.

Еще одна смысловая грань формы прошедшего времени на **-ып еді** заключается в том, что она может передавать совершенную определенность, завершенность совершившегося в прошлом действия: Ертеде менің бір жолдасым «біздің ауданнан екі жазушы, 20 доктор науык, алпыс кәнделет, отыз враш, он екі секретарь, 25 инженер, 13 бұғалтыр шықты деп мақтанып еді (С. Жүнісов) «Когда-то давно один мой товарищ хвастал, что из его района вышли два писателя, двадцать докторов наук, шестьдесят кандидатов наук, тридцать врачей, двенадцать секретарей, двадцать пять инженеров, тринадцать бухгалтеров».

Аналитическая форма на **-ып еді** почти всегда может быть заменена формой **-ған еді**, однако не всегда такая замена проходит на одном и том же уровне смыслового тождества. Тот или иной смысловой оттенок может в известной степени либо поблекнуть, либо усилиться.

Форма прошедшего времени на **-ып еді** в казахском языке является наряду с формой на **-ған еді** широкоупотребительной, активной формой. Чаще всего наблюдается употребление ее в форме первого и третьего лица.

Аналитическая форма **-ып еді** присуща в основном повествованиям в художественной литературе.

3. **-атын еді**. Аналитическая форма прошедшего времени на **-атын еді** состоит из сочетания того же служебного глагола **е-** с показателем прошедшего времени **-ді** и причастной формы на **-атын**. Эту форму, встречающуюся в капчакской группе тюркских языков, исследователи называют по-разному: давно прошедшее повто-

рительное, прошедшее обычное, прошедшее повторительное, прошедшее привычное и т. д. В казахском языкознании можно встретить наименования: айғақты бұрын өткен шақ (Т. Қордабаев), что можно перевести на русский язык как «давнопрошедшее конкретное», қатысты өткен шақ (Н. Оралбаева) «прошедшее относительное».

Одной из особенностей формы прошедшего времени на **-атын еді** в сравнении с аналогичными формами других языков кипчакской группы является ограниченность ее употребления в современном казахском языке. Литературный язык предпочитает ей две другие активные формы **-атын** без вспомогательного глагола **еді** и аналитическую **-ушы еді**.

Прошедшее аналитическое на **-атын еді** выражает привычно повторяющееся действие¹. Ср. Сыздық мекемеге келген сайын бұның бетіне дуылдап қан жүгіріп, болымсыз нәрседен қысылғандай болып, бірқалыпты нәзік күлкімен қарсы алатын еді (М. Әуезов) «Каждый раз, когда Сыздық приходил в учреждение, она густо краснела, чувствовала себя неловко безо всякой причины и встречала его с нежной улыбкой».

В зависимости от контекста действие, выраженное этой формой, может выступать и как свойство лица. Однако немаловажную роль играют и компоненты аналитической формы **-атын еді**, в особенности вспомогательный глагол **еді**. Эта роль в казахском языкознании, как впрочем и в тюркологической литературе в целом еще не определена. Между тем своеобразный оттенок, вносимый этим формантом, бесспорен, что мы можем видеть из сопоставительных примеров с участием этого служебного элемента и без него. Аналитическая форма **-атын еді** чаще всего встречается в текстах, рассказах о прошлом, излагаемых в форме воспоминаний. Часто прошедшее на **-атын еді** в таких повествованиях чередуется с «синонимическими» формами **-атын**, **-ушы еді**, придавая стилю своеобразие, яркость: ҚазПИ-де лекциялар өз алдына, онда әдеби жиылыстар, дискуссиялар жиі өткізіліп тұратын, бірақ бұлардың біразы сыңаржақ тұрпайы түрде өтетін еді (М. Қаратаев) «Лекции в ҚазПИ само собою, но помимо них проводились литературные

¹ Оралбаева Н. О. Қазіргі қазақ тіліндегі етістіктің аналитикалық форманттары. Алматы, 1975, 126-бет.

собрания, дискуссии, однако некоторые из них проходили поверхностно, односторонне».

Такое параллельное употребление форм, тождественных по смыслу, но отличающихся лишь той или иной стилистической окрашенностью, выражает не столько повторяемость, обычность происходившего в прошлом действия, сколько подчеркивает свойство лица или предмета. Приведем еще один характерный в этом отношении пример: Күләшти әкесі Жасын кейінгі кездері бізбен тұра бастады, сол кездерде ол кісімен сөйлесуге Жәкең де анда-санда келіп тұратын еді, сондай шақтарда мен Жәкеңнің әзіл әңгімелерін, қағытпа сөздерін естіп қатты риза болатынмын. Аз сөзбен ғана дәл суреттерді сала қоюшы еді, әсіресе адамның түр-түсіне, жүріс-тұрысына байланысты әзілдері өткір келуші еді. Үлкенмен де, кішімен де Жәкең бірдей қалжындасатын, кезі келгенде қыздары Күләш пен Шараға да талай әзіл-қалжындарды айтып тастайтын (Қ. Байсейітов) «В последнее время вместе с нами стал жить отец Куляш Жасын, и вот в то самое время изредка приходил и Жәке, чтобы побеседовать с ним. В такие часы я бывал очень довольным, слушая шутки и прибаутки Жәке. Он несколькими словами мог нарисовать точные картины, особенной остротой отличались его портреты, набросанные на основе наблюдения над внешностью, походкой человека. Жәке одинаково равно мог шутить и со старшим и с младшим, а бывало, подшучивал и над дочерьми Куляш и Шарой».

Как видно из приведенного отрывка, форма **-атын еді** употреблена лишь раз, в самом начале, где она более уместна. В других местах использованы другие формы прошедшего времени, по значению почти идентичные, но не заменимые формой на **-атын еді** по стилистическим соображениям.

Анализ фактического материала с точки зрения частоты употребления этой формы в ее отношении к лицам глагола показывает, что она употребляется в основном в третьем лице, а во втором лице почти не встречается. Именно поэтому аналитическая форма прошедшего времени на **-атын еді**, выражая обычно конкретность, очевидность совершившегося в прошлом действия, основным своим содержанием имеет идею не только систематической повторяемости действия, но и его превращения в свойство того или иного лица. Часто такое действие,

процесс, событие передаются в виде воспоминания. Ср.; Назыкен жоқтау айта білмейтін еді (Ф. Мүсірепов) «Назыкен не умела оплакивать».

В определенных синтаксических условиях, а именно в случае употребления формы на **-атын еді** в составе сложноподчиненного предложения с условным придаточным предложением, форма эта не имеет значения регулярно происходившего в прошлом действия, а выражает неосуществившееся действие. Ср.: Егер сол кезде топтың алдыңғы жағынан біреудің өктем даусы шықпағанда, Олжай шатақ шығаратын еді (Ә. Әбішев) «Если бы в это время не раздался из переднего края толпы чей-то властный голос, Олжай бы поднял скандал»; Аттар тың болғанда, серіктерім Тәйкөш аулына жетіп қалатын еді (С. Мұқанов) «Когда бы кони были свежи, мои спутники заночевали бы в ауле Тойкош».

Форма на **-атын еді** в таких синтаксических условиях может быть заменена формой **-ар еді** без изменения смыслового уровня: такая замена может быть произведена при подобных обстоятельствах в цитированном выше предложении: Аттар тың болғанда серіктерім Тәйкөш аулына жетіп қонар еді. Ср. также; Мен болмағанда адасатын еді «Если бы не я, он бы заблудился» и т. д.

Аналогичным образом форма на **-атын еді** может выражать незавершившееся действие, действие как намерение, если в предложении употребляются обстоятельные слова бүгін «Сегодня», ертең «завтра», кешке «вечером» и т. п. Бүгін баламның туған күні, кешке соны тойлайтын едік (С. Жүнісов) «Сегодня день рождения сына, вечером мы хотели отпраздновать это».

Таким образом, основным содержанием формы на **-атын еді** является идея незаконченности действия, обозначение систематически повторяющегося в прошлом действия, превратившегося в свойство лица.

4. **-ушы еді**. Следующее после форм на **-атын еді** место в современном казахском языке по своей частоте употребления занимает аналитическая форма прошедшего времени на **-ушы еді**. В других тюркских языках она встречается довольно редко. В некоторых работах мы встречаем высказывания о том, что форма **-ушы еді** систематически употребляется достаточно часто. Извлечен-

¹ Оралбаева Н. Указ. соч. с. 126.

ные из художественной литературы примеры показывают что она употребляется в ней чаще, чем форма на **-атын еді**. Так, в рассказе М. Ауэзова «Қорғансыздың күні» форма на **«ушы еді** встречается 18 раз, тогда как **-атын еді** — всего один раз. В рассказе «Қыр әңгімелері» форма на **-ушы еді** встречается 6 раз, а форма на **-атын еді** отсутствует. Подобный статистический анализ употребления аналитических форм прошедшего времени у казахских писателей мы провели и по многим другим произведениям и всюду наблюдаем преимущественное использование в них двух форм: предпочтение отдается то форме на **-атын**, то на **-ушы еді**, но не форме **-атын еді**.

Форма на **-ушы еді** выражает конкретное, но незаконченное действие-состояние в прошлом, превратившееся в свойство лица, предмета из-за обычности, систематической повторяемости его.

Бірге театрға барып, жаз шыққан соң, жарық айлы түндерде қолтықтасып сейіл құрып жүріп, ұзақ уақыттар әңгімелесуші еді (М. Әуезов) «Вместе ходили в театр, в лунные летние ночи под руку прогуливались и долго беседовали»; Жастау кезінде Мүсілімнің даусы керемет әдемі еді, оны тыңдаудан, әсіресе Құрманбек екеуміз жалықпаушы ек, сәл қолымыз босай қалса, отыра қалып ән айтқызатынбыз (Қ. Байсейітов) «В молодости голос Муслима был удивительно красив, слушать его нам с Курманбеком не надоедало, как только выдается свободное время, так мы заставляли и просили его спеть нам».

Форма на **-ушы еді** встречается в воспоминаниях, легко заменима во всех случаях формой на **-атын**, поскольку они совершенно идентичны в смысловом отношении. Эти две формы часто употребляется параллельно: Баталов менің жан-дүниемнің бірте-бірте байи кеңейіп қаламымның ұшқырланып, өткірленіп келе жатқанын тек үстірт қабылдамай, ақыл айтып, кенес беріп отырушы еді. Кемшілігіңді айтса, намысқа тимей, жаныңды жәбірлемей айтатын (М. Қаратаев). «Баталов не только не воспринимал поверхностно то, как постепенно обогащается, расширяется мой душевный мир, как постепенно обогащается, оттачивается, делатся острее мое перо, но и наставлял, давал советы. Если он говорил о твоих недостатках, то делал это, не оскорбляя твои чувства, не причиняя боль».

Точно так же, как и аналитическая форма прошедшего времени на **-атын еді**, данная форма, то есть **-ушы еді**, в известном синтаксическом окружении, а именно в том случае, если глагол в форме на **-ушы еді** употребляется сказуемым главного предложения с придаточным условным, может и не иметь значения регулярно повторяющегося в прошлом действия. Ср.: Мен мұны білгенде, сендермен өлсем де бірге шықпаушы едім (Р. Сейсенбаев) «Если бы я знал это, то ни за что не вышел бы вместе с вами».

То же самое мы наблюдаем в тех случаях, когда в контексте употреблены специальные обстоятельственные слова бүгін, ертең кешке и т. п., о которых мы говорили также при анализе формы на **-атын еді**. Здесь выражается действие как намерение: Бүгін бос емеспін. Кешке қонаққа барушы едім. «Сегодня я не свободен. Вечером намереваюсь идти в гости».

Таким образом, аналитическая форма прошедшего времени на **-ушы еді** используется в основном в художественном произведении и выражает действие как свойство субъекта. Исследование частоты ее употребления показывает, что она является в современном казахском языке активно функционирующей формой.

Выводы

1. Аналитические формы глагола в современном казахском языке представлены сочетаниями причастия на **-ған (-ген, -қан, -кен)** и деепричастия на **-ып, -іп, -п** со вспомогательном глаголом **еді**.

2. Аналитическая форма на **-ған еді** выражает действие, предшествующий определенному моменту прошлого, т. е. выражает действие, либо совершенное до другого прошедшего действия, либо являющееся фоном для других действий.

3. Аналитическая форма на **-ып еді** выражает сопричастность одного действия к другому. Характеристика этой формы как выражающей незаконченное действие (П. М. Мелиоранский) или как «давнопрошедшее время» не соответствует языковым фактам. Указанные особенности формы на **-ып еді** зависят от условий контекста.

4. Аналитическая форма на **-атын еді** в современном казахском языке относительно ограничена в своем

употреблении. Действие, выражаемое этой формой, имеет оттенок привычко повторяющегося действия или свойства лица. В сложноподчиненных предложениях она может означать неосуществившееся действие.

5. Аналитическая форма на **-ушы еді** выражает конкретное, но не законченное действие-состояние в прошлом, превратившееся в свойство лица или предмета в силу его обычности, систематической повторяемости. Эта форма часто встречается в воспоминаниях и легко заменяется формой на **-атын**.

3. ТРАНСПОЗИЦИЯ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Диалектический метод рассматривает явления природы не как обособленные, покоящиеся, неизменные, а в их взаимосвязях и взаимодействиях, в их непрерывном развитии, движении и изменении. Огромное значение имеет этот метод не только для естествознания, но и для общественных наук, ибо он учит историческому подходу к явлениям. Факты языка также мы можем понять правильно и сделать из этих фактов правильные научные выводы только в том случае, если в своих исследованиях будем опираться на диалектический метод, потому что нет не связанных между собой категорий, нет обособленных друг от друга явлений и в языке, в его грамматике, в его лексике. Все в языке диалектически тесно взаимодействует, взаимовлияет.

То же можно сказать и о категории времени глагола, которая, как и любая языковая категория, тесно связана с реальной действительностью, потому что наше развивающееся, изменяющееся понятие о времени и пространстве отражает объективно-реальный мир и пространство¹. При этом мы должны осознать и то, что понятие человека о пространстве и времени — понятие относительное².

Относительность нашего понятия о времени и пространстве в такой же мере применима и к грамматическим формам, свидетельством чему может служить взаимоотношение грамматического и реального времени.

Грамматическая категория времени определяется от-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 18. с.

² Там же. с.

ношением действия, процесса, состояния к моменту речи. Если действие произошло до момента речи, то такое действие относится к прошедшему времени, если оно будет осуществлено спустя определенное время после момента речи, оно относится к будущему времени, действие же, совершающееся в момент речи, относится к настоящему времени. Во всех этих случаях говорящий сам определяет отношение к моменту речи действия, о котором говорит, или времени, в которое это действие происходило, происходит или произойдет. Именно здесь и появляется возможность использования одного времени вместо другого. Факт такого использования грамматических времен встречаются в большинстве случаев в разговорной речи и в художественной литературе.

Транспозиция, то есть перемещение временных значений, является следствием развития и расширения художественных средств языка, будучи присущей различным грамматическим формам. Так, например, известно, что в истории тюркских языках переносное употребление падежных окончаний началось еще с древних времен. Подобно им и формы глагола также не были всегда моносемантическими. «Переносное употребление форм времен,— пишет Х. М. Сайкиев, позволяет использовать одни и те же языковые средства в целях расширения границ языка как средства общения между людьми. В художественных произведениях формы времени используются в качестве средств организации их речевой структуры»¹.

Вопрос о транспозиции временных форм в казахском языке имеет самостоятельное значение и свои особенности, поэтому изучение и выявление всех закономерностей транспозиции времен имеет важное значение не только для грамматики казахского языка, но и его стилистики. Неотложность изучения этого вопроса тем более очевидна, что транспозиция времен до сих пор не стала в казахском языкознании объектом специального исследования. Впервые о явлении перемещения или переноса форм времен в казахском языке писал П. М. Мелиоранский². Он писал в конце той части «Краткой грамматики казах-киргизского языка», которая посвя-

¹ Сайкиев Х. М. Грамматические категории глагола в русском и казахском языках. А., стр. 151.

² Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казах-киргизского языка. СПб, 1897, с. 32.

щена прошедшему времени, следующее: «Иногда это форма употребляется для обозначения быстро и неизбежно наступающего будущего, например: кара, төктің — «Смотри, сейчас прольешь». Такое малоупотребительное явление ученый смог заметить потому, что чаще всего обращался к примерам из устной речи.

Явление транспозиции форм времен зафиксировал затем проф. Т. Қордабаев в монографии «Категория времен глаголов в современном казахском языке». В этой работе впервые широко проанализированы глагольные времена, сфера употребления их показателей, проведена классификация времен. Вкратце останавливается автор и на том, как проявляют себя временные формы в том или ином контексте. По мнению исследователя, часто встречаются случаи, когда недостаточно даже самого распространенного, полного предложения для того, чтобы определить, в каком значении употреблена та или иная временная форма глагола. Окончательное суждение о времени можно будет высказать только после ознакомления с широким контекстом, после прочтения нескольких предыдущих предложений. Некоторые временные формы, будучи показателями одного определенного времени, в этом широком контексте уже не передают или лишаются «своего» временного значения, трансформируясь в другое. Например: Ұқсата білген адам бұл жерден мол өнім алады екен. «Кто сумеет тот, оказывается, может получить здесь богатый урожай»; Экскозаторлар жерді жырта жөнеледі. Осы кезде марш ойналып кетеді (С. Мұқанов) «Эксковаторы начинают вскапывать землю. В это время гремит марш».

Время действия, передаваемое глагольными формами в этих предложениях, можно понять двояко: как прошедшее и как будущее. Будет прав и тот, кто отнесет эти времена по смыслу к прошедшему, и тот, кто отнесет их к будущему. Какое время конкретно выражает в данном случае та или иная форма, зависит от выяснения ее контекстуального окружения¹.

Транспозиция времен глагола — проблема, все еще мало изученная. Здесь много неисследованного не только в тюркологии. Так, говоря о временах русского глагола и в частности в связи с переносом, А. В. Бондарко

¹ Қордабаев Т. Қазіргі қазақ тіліндегі етістіктің шақ категориясы. А., 1953, 94-б.

пишет: «В области переносного употребления времен многие вопросы еще не изучены. Не определены результаты взаимодействия значения грамматической формы и значения контекста,— в частности, не выяснено, какое влияние оказывает контекст на реализацию грамматического значения временной формы. 2. Недостаточно точно определен круг тех явлений, которые охватываются понятием «переносное употребление времен»¹.

Явление транспозиции, помимо сказанного, не следует путать с некоторыми аналогичными явлениями: взаимозаменяемостью форм в границах одного времени, а также так называемым настоящим-будущим временем на **-а, -е, -й** плюс личные окончания (барамын...) и на **-атын** (баратын). Эти две формы используются для выражения двух временных плоскостей: первая, т. е. **-а + мын, -а + сың** и т. д., выражая в одном случае настоящее время, а в другом — будущее, представляет собой как бы «омонимическую» форму настоящего и будущего времени; вторая, т. е. **-атын** также «омонимическая» форма, выражающая то будущее, то прошедшее время. Эти значения форм **-а (-е и -атын) -етін** не являются переносным употреблением, т. е. транспозицией времен.

Таким образом, к явлению транспозиции относится выполнение формой одного времени функции формы другого времени. Так, например, формы прошедшего времени используются в значении будущего в том случае, когда делается предположения о том, что действие непременно совершится в будущем:

Машинаның моторы сөнiп қалды.

— Енді біттік,— деді шофер кабинаның есігін сарт жауып жерге түсіп жатып (Н. Әбуталиев) «Мотор машины заглох.— Теперь мы пропали,— сказал шофер, слезая с машины и резко хлопнув дверцей кабины».

Оңбаған жолға аяқ басқандымды танертең-ақ білгем, құрыдық енді, оңбаған сорлы... («Мың бір түн», II том) «Я уже утром знал, что ступил на негодный путь, пропали мы теперь, несчастные...»

В приведенных предложениях глаголы **біттік, құрыдық** «пропали», «конец нам» выражают действие, которое вот-вот должно совершиться, причем действие это

¹ Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971. с. 130—131.

выражено экспрессивно с оттенком его неизбежности, неотвратимости. Если мы заменим эти формы глаголов «своими» то есть формой будущего времени бітеміз, кұрымыз «пропадем», конец нам придет», то безусловно, исчезнет или ослабнет экспрессивность значения глагола и всего предложения.

Языковые факты говорят о том, что переносное употребление времен возникает главным образом из требований стиля. Лучшие образцы транспозиции мы можем встретить в языке художественных произведений и живой речи, которым более всего присущи выразительно-образительные качества. Таким образом, транспозицию времен можно рассматривать как одно из грамматических средств усиления эмоциональной выразительности речи. И действительно, как видно из многочисленных примеров, переносное использование времен создает как бы омонимию временных форм, используемую как некая стилистическая фигура для придания высказыванию динамичности, интонации живой речи, художественной выразительности. Приведем несколько примеров:

— Сенің мына шоферың осы уақытка дейін аккумуляторды неғып ауыстырмаған?

— Бала ғой, қайдан білсін.

— Онда далада қалдым дей бер. (О. Сәрсенбаев) «Почему этот твой шофер до сих пор не поменял аккумулятор?— Дитя ведь, откуда ему знать.— Тогда считай, что остался в степи»;— Қап, кешіктік-ау,— деппін. Айранға да қарағанымыз жоқ, іле шығып жүре бердік (К. Найманбаев) Жаль, опоздали, наверно,— сказал я. Мы тут же отправились, не дожидаясь, когда подадут айран».

Сен қаш! Мен кудым,— деді Асхат (Ш. Күмісбаев) «Ты убегай! А я за тобой погнался»,— сказал Асхат».

В этих примерах глагольные формы **кешіктік, қалдым, кудым** употреблены вместо **кешігеміз, қаламын, қуамын** и тем самым обеспечивают экспрессивность всего высказывания. Часто встречается переносное употребление времен в вопросительных предложениях: Енді не қылдық? Дәрігер шақырайық. («Сикырлы шымылдық»).—«Что теперь делать? (букв. «Что теперь мы сделали?») Врача вызвать?». Ал белгіні байқамаса қайттік? (Ш. Күмісбаев) «А если не заметит метку? Что тог-

да?» (букв. Что тогда сделали?) Ойпырмай, көз жастарың дайын тұрады-ау сендердің. Енді қайтіп жұбаттық? (О. Сәрсенбаев). «О боже, глаза у вас на мокром месте! Как же теперь вас успокоить?» (досл. «Как успокоили?») Енді не істедік?— деді Айдос.— Бекбатыр енді сақтанады. (Ш. Күмісбаев) «Что теперь делать?» (досл. «Что теперь мы сделали?») сказал Айдос.— Бекбатыр теперь будет осторожен».

Нет сомнения, что глаголы **не қылдық, қайттік, қайтіп жұбаттық, не істедік** в приведенных предложениях, употребляя вместо ожидаемых **не қыламыз, қайтеміз, не істейміз, қайтіп жұбатамыз**, придают высказыванию определенный эффект, что было бы невозможно в случае использования «своей» нейтральной формы будущего времени. Такое употребление времен избавляет художественную речь от скучного однообразия, сухости высказывания, повторения одинаковых средств и грамматических показателей.

Иногда таким переносом времен достигается возможность передачи особого внутреннего состояния персонажа, его душевный потенциал. Такая транспозиция, например, прошедшего очевидного времени чаще всего встречается в устном народном творчестве:

Айналайын қарағым,
Құтты болсын талабың.
Алла тағала жар болып,
Оңынан тұрсын самалың.
Сен әлсең егер, мен **күйдім**
Жазым боп тайса табаның.

«Алпамыс батыр»

«Моя дорогая, светик мой,
Благославляю твои порывы.
Пусть бог тебе поможет,
Сопутствует пусть тебе удача.
Но если оступишься вдруг
И несчастье постигнет,— я, считай!

опечален».

Прошедшее очевидное используется в значении будущего в том случае, если субъект не уверен в осуществлении в будущем того или иного действия, намерения: Құтылсақ **құтылдық**, құтылмасақ тіпті болмағанда қолға түсерміз «Если удастся освободится, освободились, а нет, так по крайней мере останемся узниками».

Формы прошедшего очевидного времени в приведенных предложениях можно заменить формой будущего предположительного или так называемого настояще — будущего. В первом предложении форму прошедшего очевидного можно передавать также условно-желательным наклонением. В этом случае изменится эмоциональное, эмфатическое ударение, что мы видели из приведенных выше многочисленных примеров.

Следует сказать, что в транспозиционном употреблении прошедшего очевидного времени очень часто угадывается смещение условного наклонения. Ср.: Онша алыс емес. Көрінп түрған қырдан **астыңыз**, ар жағы Көкпекті «Не очень далеко. Переваля вон тот холм — и там Кокпекти».

Бұйрық **болды** — орындайсыздар (С. Сейфуллин.) «Как только будет приказ — исполните тут же».

Глаголы прошедшего очевидного времени в этих примерах можно заменить условным наклонением **астыңыз — ассаныз, болды — болса**, отчего не пострадает основное значение высказывания, не изменится временное значение — контекстуальные время.

Формы прошедшего времени употребляются иногда для оживления действия вместо настоящего времени, выражая тем самым незаконченное в момент речи действие. Правда, такой перенос времен встречается редко, но все же существует в языке:

— Тез жүріңіз, әйтпесе...

— Болды, міне **аттандым** (З. Асабаев).

— Все, вот уже отправился».

— Ал мен кеттім;—«Ну я пошел;»

— Ендеше жұмбағымды айтам.

— Ал **тындадық** (С. Кенжеахметов) «Я начинаю загадывать.

— Так мы слушаем» (досл. «слушали»).

Общим для всех форм прошедшего очевидного времени на **-ды** в приведенных примерах является то, что они выражают не осуществленное, не совершенное пока действие, процесс. Говорящий использует эту форму для выражения действия, совершаемого в момент речи. Поэтому формы **аттандым, кеттім, тындадық**, употребленные вместо **аттанып барамын, кетіп барамын, тындап тұрмыз**, придают высказыванию определенную эмоциональную окраску. Кроме того, в таких случаях мы видим не только замещение времен и взаимопроникнове-

ние форм, но и столкновение их, ибо определенную несовместимость формы и значения в таких примерах все же нельзя не заметить: форма прошедшего очевидного времени, с одной стороны, и контекстуальное значение настоящего, с другой. Однако именно эта несовместимость, это противопоставление, иначе говоря, именно эта транспозиция и создает эмоциональную окрашенность, экспрессивность действия, новый стилистический уровень.

В данном переносе действие кажется уже совершившимся, тем не менее это не прошедшее время, ибо ослабляет это значение, и формы используется для выражения протекающего в момент речи действия. Итогом, результатом столкновения между грамматической формой и контекстуальным значением является ослабление значения прошедшего времени. Значение грамматической формы превращается в коннотативный оттенок денотативного значения, выводимого контекстом. Иначе говоря, в такой транспозиции на форму прошедшего очевидного на **-ды** накладывается добавочный семантический оттенок, приводящий в свою очередь к стилистическому преобразованию высказывания в виде эмоциональной окраски.

В связи с транспозицией времен следует особо остановиться на моментах употребления категории наклонения. Выше мы отметили случаи переносного употребления формы прошедшего времени, которую можно заметить условным наклонением на **-са**. Здесь остановимся на случаях употребления прошедшего очевидного времени на **-ды** (**-ді**, **-ты**, **-ті**) для выражения императивного значения.

1. Күресейік, — деймін.

— Күрессек, күрестік. Жығылғанмыз жыққанымызды елу қадам жерге арқалап апаратын болсын (Қ. Найманбаев).

— «Поборемся? — говорю я.

— Бороться так бороться, начали. Только побежденный пусть понесет победителя на своей спине на пятьдесят метров».

2. Ал, батырлар, алға тарттық, — деді де, машинасымен ілгері жүріп кетті (Е. Қазбеков) «Ну, батыры, пошли поехали вперед.

В формах прошедшего очевидного времени **күрестік**, **тарттық** в приведенных примерах нетрудно обнаружить

значение 1 лица множественного числа императива. Они выполняют функцию форм **күресейік, тартайық**. Эти глаголы возможно без существенного изменения основного значения заменить формой настоящего-будущего времени. Однако общее для всех этих форм значение неосуществленности действия, процесса сохранится.

Следует подчеркнуть, что к переносному употреблению более всего расположено прошедшее очевидное на **-ды**. Это связано, по нашим наблюдениям, с возможностями функционально-семантического потенциала этой формы.

Транспозиции подвержены, хотя и в меньшей степени, и другие формы прошедшего времени, среди которых следует отметить формы на **-ған** и **-ып**.

Форма прошедшего времени на **-ған** употребляется иногда в значении настоящего-будущего времени. С ее помощью выражается действие, совершенное в прошлом, но результат его относится часто к моменту речи. При употреблении в значении настоящего времени эта форма характеризует действие, явление с той или иной точки зрения, со стороны их каких — то свойств. При этом слушающий имеет возможность зримо представить себе описываемое явление, поэтому действие кажется совершающимся в момент речи: Бақайының арасын шұқылаумен отыр. Көзі шарасынан шығып кеткен (Ш. Күмісбаев) «Сидит, теребя пальцы ног. Глаза вылезли из орбит».

Мандайындағы жыра-жыра әжімнен шып-шып тер шығып тұр. Басындағы киіз қалпағы бір шекелеп қисайып кеткен. (Ш. Мұртазаев) — «По глубоким морщинам на лбу пот градом идет. Колпак из кошмы съехал на бок».

Форма прошедшего времени на **-ған** в этих примерах употреблена параллельно, рядом с формами настоящего времени, что лишний раз подчеркивает факт употребления формы прошедшего времени в значении настоящего в данном контексте.

Передаваемые формой на **-ған** действие, процесс, событие в момент транспозиционного ее употребления кажется происходящими на глазах у воспринимающего лица, в данный момент. Такое употребление временных форм, как уже отмечалось, чаще всего встречается в художественных произведениях, в воспоминаниях персонажей.

Необходимо однако подчеркнуть, что форма прошедшего времени на **-ған**, употребляясь для передачи контекстуального настоящего, не теряет своего основного категориального значения. Следует только помнить двуплановость этой формы, двузначное ее свойство, обусловленное определенным контекстуальным окружением. О таком свойстве грамматической природы этой формы писал в свое время Н. К. Дмитриев.

Что касается прошедшего времени на **-ып, -іп, -п**, то случаи переносного употребления его встречаются довольно редко. Ср.:

- Құс атқан біреу шығар.
- Кім біліпті (Ш. Күмісбаев)
- Может, это охотник какой?
- А кто его знает.
- Өзіне қол бала етіп алмақ шығар.
- Сөйлепсің. Мен де адам емеспін бе? Қөне қоятынымды қайдан білдің?— деді Бихат ашуланып. (Ш. Күмісбаев)

— «Может быть, он хотел сделать из тебя послушного исполнителя?»

— Тоже мне скажешь! Я тоже ведь человек. Откуда ты знаешь, что я поддамся?— сказал Бихат с обидой».

Глаголы в форме прошедшего времени **біліпті, сөйлепсің** могут быть заменены формами настоящего времени. При этом ничего в основной семантике времени не изменится, но исчезнет стилистический оттенок контекста, его эмоционально-экспрессивная окрашенность.

Таким образом, изучение явления транспозиции показывает что это явление носит в языке неслучайный характер. Оно закономерно и функционально оправдано, ибо способствует расширению сферы применения языка, придает общему контексту экспрессивно-эмоциональную окраску.

Итак, явление транспозиции времен, характеризуясь своей динамичностью, представляет собой одну из существенных особенностей стилистики казахского языка.

Выводы:

1. Транспозиция глагольных времен, т. е. перемещение временных значений (использование прошедшего времени в значении будущего или настоящего) не совпадает ни взаимозаменяемостью форм в границах одного времени, ни с синкретизмом временных значений, как это имеет место в формах настояще-будущего на **-а, -е, -й**.

2. Использование транспозиции прошедшего времени на **-ды** охватывает следующие случаи: а) для предположения о том, что действие непременно совершится в будущем; б) для передачи внутреннего состояния персонажа, его душевного потенциала (особенно в устном народном творчестве); в) для выражения неуверенности субъекта в осуществлении в будущем того или иного действия, намерения; г) в функции условного наклонения; д) для выражения действия, совершаемого в момент речи и др.

3. Форма прошедшего на **-ған** употребляется в значении настояще-будущего времени, характеризуя действие, явление с той или иной точки зрения. Случаи переносного употребления прошедшего на **-ып** встречаются редко.

4. Переносное использование времен функционирует как определенная стилистическая фигура для придания высказыванию динамичности, интонации живой речи, художественной выразительности.

4. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ СООТНОШЕНИЯ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Определение количественных соотношений форм той или иной системы, в данном случае прошедшего времени, представляет для лингвистики несомненный интерес. На основе такой работы, проведенной по отношению к формам прошедшего времени в современном казахском языке, можно выяснить грамматическую природу каждой формы прошедшего времени, ее место в системе глагольного времени вообще. Видоизменения форм прошедшего времени в казахском языке можно изучать, наблюдая их употребление в различных языковых стилях. Наши исследования проводятся на основе материалов художественных произведений, произведений фольклора, научной и публицистической литературы. Тем самым определяется соотношение форм прошедшего времени в различных языковых стилях, частота употребления показателей времен и лиц в них и вообще формы проявления глаголов прошедшего времени в различных стилевых системах.

Одним из первых изученных в избранном направлении произведений является автобиографическая повесть К. Байсейтова «Құштар көңіл»¹. В ней из трех времен глагола чаще всего встречаются формы прошед-

¹ Байсейітов Қ. Құштар көңіл. А., 1977.

шего времени. По-видимому, это объясняется автобиографичностью повести. Самой употребительной среди форм прошедшего времени в этом произведении оказалась форма на **-ды** (72,7%). За ней идет форма на **-атын**. Остальные формы прошедшего времени имеют следующую картину частоты употребления, т. е. количественного соотношения: **-ып** (102 раз), **-ушы еді** (49), **-ған** (47), **-ып еді** (25), **-ған екен** (24), **-атын еді** (19), **-ған еді** (14).

В данной повести среди личных аффиксов прошедшего на **-ды** наиболее употребительным оказался показатель I лица (852 раза), на втором месте — показатель III лица (808 раз), личный аффикс II лица прошедшего на **-ды** встречается только 4 раза.

Спряжение других форм прошедшего времени в повести обнаруживает следующую картину по частоте употребления личных аффиксов:

Прошедшее на **-ған**: 1) Третье лицо — 27 раз; 2) Первое лицо — 20 (из них в единственном числе — 11, множественном — 9);

Прошедшее на **-ып**: 1) Первое лицо — 31 (ед. число — 22, мн. ч.—9); 2) Третье лицо — 67; 3) Второе лицо — 4 (единственное число);

Прошедшее на **-атын**: 1) Третье лицо — 234; 2) Первое лицо — 45 (ед. ч.—17, мн. ч.—17);

Прошедшее на **-ған еді**: 1) Третье лицо — 8; 2) Первое лицо — 6 (ед. ч.—3, мн. ч.—3);

Прошедшее на **-ып еді**: 1) Третье лицо — 13; 2) Первое лицо — 12 (ед. ч.—5, мн. ч.—7);

Прошедшее на **-атын еді**: 1) Третье лицо — 28; 2) Первое лицо — 19 (ед. ч.—9, мн. ч.—10); 3) Второе лицо — 2;

Прошедшее на **-ған екен**: 1) Третье лицо — 21; 2) Первое лицо — 3 (ед. ч.—2, мн. ч.—1).

Прошедшее на **-ушы еді**: 1) III лицо — 28, 2) I лицо — 19 (ед. ч.—9, мн. ч.—10); 3) II лицо — 2.

Эти факты показывают, что среди показателей лица названных временных форм самым употребительным в повести К. Байсеитова является III лицо. Ему уступает по частоте употребления I лицо и совсем редко встречается II лицо. В книге часты формы, выходящие за пределы литературной нормы. Так, например, I лицо множественного числа встречается 9 раз, из них 8 — в форме **-ғамыз** и лишь один раз — в форме **-ғанбыз**. То же самое можно сказать и о I лице единственного числа: Здесь все одиннадцать случаев имеют форму на **-ғам**.

Отрицательная форма единственного числа первого лица имеет следующие варианты: **-ғаным жоқ** (1 раз), **-ған жоқпын** (2 раза).

В произведении С. Сейфуллина «Тар жол тайғақ кешу» среди форм изъявительного наклонения чаще всего употребляются форма прошедшего времени — 78,7%, далее идут формы настоящего — 21,1%, и будущего — 0,1%. Среди форм прошедшего времени самой употребительной является форма прошедшего на **-ды** (79%). Менее употребительны прошедшее на **-ған** (9,4%), прошедшее на **-ып** (5,3%), прошедшее на **-атын** (1,8%), прошедшее на **-ушы еді** (1,1%). Соотношение же между единственным и множественным числам показывает, что чаще употребляется единственное число. Частоту употребления личных аффиксов с различными формами прошедшего времени можно показать следующей схемой:

1. -ды	111 л. (57,2)	1 л. (42)	11 л. (0,3)
2. -ған	111 л. (489)	1 л. (3)	
3. -ып	111 л. (276)		
4. -атын	111 л. (52)	1 л. (10)	11 л. (2)
5. -ған еді	111 л. (39)	1 л. (13)	
6. -ып еді	1 л. (44)	111 л. (5)	
7. -ушы еді	111 л. (33)	1 л. (13)	11 л. (11)
8. -ған екен	111 л. (79)	1 л. (4)	11 л. (2)
9. -атын еді	111 л. (9)	1 л. (4)	

Как видно из этой таблицы, среди личных форм самой употребительной оказывается III лицо, далее следует I лицо, реже всего употребляется II лицо.

Переходя к анализу произведений Б. Майлина, следует подчеркнуть, что и здесь среди форм индикатива чаще всего встречается прошедшее время (77,5%), на втором месте — настоящее время (22,4%). Реже всех времен, как обычно, встречается будущее (0,1%). Что касается различных форм прошедшего времени, то самой употребительной здесь является опять таки форма на **-ды** (63,9%). Далее следуют: прошедшее на **-ып** (7,1%), прошедшее аналитическое на **-ып еді** (6,8%), прошедшее на **-ған** (3,2%), прошедшее на **-атын** (2,2%).

Частоту употребления личных окончаний с разными формами прошедшего времени можно показать в следующей схеме:

1. -ды	III л. (583)	I л. (164)	II л. (7)
2. -ған	III л. (47)	I л. (1)	
3. -ып	III л. (106)	I л. (2)	

4. -атын	III л. (33)	II л. (1)	
5. -ған еді	III л. (2)	I л. (1)	
6. -ып еді	III л. (79)	I л. (25)	
7. -атын еді	III л. (4)	I л. (2)	II л. (1)
8. -ушы еді	III л. (15)	I л. (6)	
9. -ған екен	III л. (21)	I л. (5)	

Как видно из схемы, и у Б. Майлина чаще всего встречаются формы прошедшего времени в третьем и первом лицах. Третье лицо более всего встречается в авторской речи, тогда как первое лицо характерно в речи персонажей — в диалогах и монологах.

Своеобразное использование форм прошедшего времени можно встретить в одном из основных жанров устного творчества — в сказках. Нами отобраны десять сказок о животных и определена частота употребления времен и отдельных форм прошедшего времени. Так, самым употребительным оказалось настоящее время (встречается 573 раза), далее следуют прошедшее (203 раза), будущее (22).

Частота употребления форм прошедшего времени была определена сначала для каждой сказки в отдельности, затем было выведено общее количество случаев употребления. То же можно сказать о частоте употребления форм прошедшего времени с личными окончаниями. Анализ показывает, что и здесь чаще всего употребляется форма прошедшего времени на **-ды** (107 раз), далее идут: прошедшее на **-ып** (30 раз), прошедшее на **-атын** (11 раз), прошедшее на **-ған** (10) и **-ған екен** (10). Редко встречаются форма на **-атын еді** (7 раз), **-ып еді** (6), **тұр (отыр, жүр, жатыр) екен** (6).

Таким образом, в сказках самыми частыми являются формы прошедшего времени на **-ды** и **-ып**. Последняя характерна именно для языка сказок, ибо давность совершившегося в прошлом действия, его заглазность лучше всего передается этой формой.

Соотношение форм прошедшего времени в сказочном жанре выглядит следующим образом:

1. -ды	III л. (47)	I л. (40)	II л. (20)
2. -ған	III л. (8)	II л. (2)	
3. -ып	III л. (30)		
4. -атын	III л. (11)		
5. -ған еді	III л. (1)		
6. -ып еді	III л. (4)	I л. (1)	II л. (1)
7. -атын еді	III л. (7)		
8. -ушы еді	III л. (1)	II л. (1)	
9. -ған екен	III л. (7)		

Соотношение личных аффиксов глагольв прошедшего времени в языке сказок о животных таково, что формы прошедшего времени чаще всего встречаются оформленными в третьем лице. Второе место по частоте употребления занимают попеременно то первое, то второе лицо. Прошедшее на **-ды** имеет примерно одинаковое соотношение как в авторской речи, так и в языке сказочных персонажей, причем более чаще, встречается в третьем и первом лицах (I лицо — 40, II лицо — 20, III лицо — 47 раз). Что касается прошедшего на **-ып**, то эта форма встречается только в авторской речи (в III лице) 30 раз.

Следующая группа отобранных для исследования сказок относится к фантастическим. Здесь самым употребительным является настоящее время (1017), далее идет прошедшее (837), реже всего употребляется будущее время (6).

Изучение частоты употребления каждой из форм прошедшего времени показывает, что на первом месте стоит прошедшее на **-ды** (524), на втором — прошедшее на **-ып** (184), на третьем прошедшее аналитическое на **-ып еді** (34). Остальные формы прошедшего времени располагаются следующим образом: прошедшее на **-ған екен** (29), на **-атын** (15), на **-ған** (6), на **-ған еді** (3), на **-атын еді** (2). Таким образом, и в этой группе сказок чаще всего употребляется форма прошедшего на **-ды**, затем — форма на **-ып**. Это, как мы уже отметили выше, связано с жанровыми особенностями сказок.

Частоту употребления форм прошедшего времени в отношении спряжения по лицам можно показать в следующей схеме:

1. -ды	III л. (421)	I л. (68)	II л. (35)
2. -ған	III л. (5)	II л. (1)	
3. -ып	III л. (184)		
4. -атын	III л. (15)		
5. -ған еді	III л. (2)	I л. (1)	
6. -ып еді	III л. (24)	I л. (7)	II л. (3)
7. -атын еді	III л. (2)		
8. -ушы еді	I л. (2)	III л. (1)	
9. -отыр (тур, жат, жүр) еді	III л. (3)	I л. (1)	II л. (1)
10. -ған екен	III л. (27)	I л. (2)	

Как видно из этой таблицы, и в этой группе сказок формы прошедшего времени чаще всего употреблены в третьем лице. И здесь прошедшее на **-ып** имеет форму

только третьего лица. Вместе с тем выясняется также, что в обеих группах сказок по сравнению с другими формами прошедшего времени чаще всего встречаются формы **на-ды**, **-ып** и **ған екен**.

Подсчеты частоты по лицам также показывают, что формы прошедшего времени в третьем лице употребляются чаще других лиц.

Объектом нашего исследования стал также другой жанр устного народного творчества — лиро-эпические песни — с точки зрения частоты употребления в них форм прошедшего времени. Так, например, в «Кыз-Жибек» среди форм изъявительного наклонения чаще других встречается формы прошедшего времени (559). Далее идут — настоящее время (395) и реже всего, будущее (22). Из форм прошедшего времени самым употребительным является прошедшее на **-ды** (433). Реже встречаются прошедшее на **-ған** (62), на **-ып** (19) и **-ып еді** (13), на **-ған екен** (9) и **-атын** (8), на **-ушы еді** (4) и **-ған еді** (3).

Соотношение личных показателей в формах прошедшего времени таково:

1. -ды	III л. (327)	I л. (73)	II л. (33)
2. -ған	III л. (62)		
3. -ып	III л. (19)		
4. -атын	III л. (8)		
5. -ған еді	III л. (2)	I л. (1)	
6. -ып еді	I л. (13)		
7. -ушы еді	III л. (2)	I л. (2)	
8. -ған екен	III л. (9)		

Таким образом, спряжение по лицам форм прошедшего времени в лиро-эпическом произведении «Киз Жибек» дает в основном ту же картину, а именно чаще всего эти формы встречаются в третьем лице. Менее употребительно первое лицо.

Среди жанров художественной литературы довольно своеобразна драматургия. Здесь нет никаких описаний природы и портретов персонажей. Действие, конфликт раскрываются во взаимоотношениях героев, в их диалогах.

Для нашего дальнейшего анализа мы избрали сборник пьес С. Жунисова «Қызым, саған айтам» («Дочь, тебе говорю»).. Частота употребления форм прошедшего времени, а также показателей лица исследуется по материалам каждой пьесы сборника в отдельности.

В пьесе («Әр үйдің еркесі» («Баловень каждого дома»)

среди временных форм глагола чаще всего встречается прошедшее время (273). Формы настоящего времени употреблены 153 раза. Из всех форм прошедшего времени самым частым является прошедшее на **-ды** (152). Далее идут прошедшее на **-ған** (42), прошедшее на **-ушы еді** (22), прошедшее на **-ып еді** (17), прошедшее на **-атын** (15), прошедшее на **-ып** (14).

Соотношение личных форм прошедшего времени в данной пьесе таково:

1. -ды	III л. (72)	I л. (65)	II л. (15)
2. -ған	III л. (25)	I л. (11)	II л. (6)
3. -ып	I л. (9)	III л. (4)	II л. (1)
4. -атын	III л. (10)	I л. (5)	
5. -ған еді	I л. (1)		
6. -ып еді	III л. (9)	I л. (6)	II л. (2)
7. -ушы еді	III л. (13)	I л. (6)	III л. (3)

Из этой таблицы видно, что употребление форм прошедшего времени в I и II лицах по сравнению с другими жанрами активизируется в произведениях драматургии. Однако III лицо и здесь остается самой активной, частой формой.

Прежде чем делать некоторые выводы об особенностях употребления форм прошедшего времени в драматургических произведениях, привлечем для анализа еще несколько пьес С. Жунусова.

В пьесе «Жаралы гулдер» («Раненные цветы») частыми являются формы настоящего времени (197), примерно такую же частоту имеет прошедшее. Среди различных форм прошедшего времени самым употребительным все то прошедшее на **-ды** (130). Далее следуют формы на **-ған** (23), **-атын** (11), **-ушы еді** (6), еще реже **-ып еді** (4), **-ған екен** (2).

Частота употребления по лицам:

1. -ды	I л. (59)	III л. (58)	II л. (13)
2. -ған	III л. (23)		
3. -ып			
4. -атын	I л. (9)	III л. (2)	
5. -ып еді	III л. (4)		
6. -ушы еді	I л. (3)	II л. (2)	III л. (1)
7. -ған екен	III л. (2)		

В данной пьесе I и II лица прошедшего времени на **-ды** имеют почти одинаковую частоту употребления (соответственно 59 и 58 раз). В общей сложности чаще всего встречаются I и III лица прошедшего на **-ды**.

В пьесе «Тұтқындар» («Пленные») среди форм индикатива наиболее частым является прошедшее время (196). Настоящее время немного уступает (105). В прошедшем времени самым частым является прошедшее на **-ды** (122), далее идут **-ған** (29), **-ып еді** (11), **-атын** (11), **-ушы еді** (6).

Частота употребления форм прошедшего времени по лицам такова:

1. -ды	I л. (37)	III л. (23)	II л. (14)
2. -ған	I л. (18)	III л. (16)	II л. (14)
3. -атын	I л. (13)	III л. (4)	
4. -ған еді	II л. (4)	I л. (3)	
5. -ып еді	III л. (8)	I л. (5)	
6. -ушы еді	I л. (1)	II л. (1)	III л. (1)
7. -ған екен	III л. (2)		

Как показывает таблица, и в этой пьесе I и III лица форм прошедшего времени имеют преимущественную частоту употребления.

Соотношение форм изъявительного наклонения в пьесе «Қызым, саған айтам» («Дочь, тебе говорю...») таково: настоящее время — 187 раз, прошедшее время — 160 раз. Среди форм прошедшего времени самой частой является форма на **-ды** (64), далее идут: **-ған** (48), **-атын** (17), **-ып еді** (13), еще реже встречаются прошедшее на **-ған еді** (7), **-ушы еді** (6), **-ған екен** (2).

Соотношение по лицам форм прошедшего времени выглядит следующим образом:

1. -ды	I л. (37)	III л. (23)	II л. (14)
2. -ған	I л. (18)	III л. (16)	II л. (14)
3. -атын	I л. (13)	III л. (4)	
4. -ған еді	II л. (4)	I л. (3)	
5. -ып еді	III л. (8)	I л. (5)	
6. -ушы еді	I л. (1)	II л. (1)	III л. (1)
7. -ған екен	III л. (2)		

И в данной пьесе чаще встречаются первое и третье лица форм прошедшего времени.

Количество форм прошедшего времени примерно в два раза превышает число форм настоящего, что дает цифры 168 и 77 раз соответственно. Чаще других встречается среди форм прошедшего времени прошедшее на **-ды** (75), далее: на **-ған** (42), на **-ып** (26). Реже встречаются формы: на **-ып еді** (7), на **-ған екен** (7), на **-атын** (5), на **-ушы еді** (3), на **-атын еді** (1).

Соотношение по лицам

1. -ды	I л. (35)	III л. (34)	II л. (6)
2. -ған	I л. (18)	III л. (16)	II л. (8)
3. -атын	I л. (5)		
4. -ып еді	I л. (7)		
5. -ушы еді	III л. (3)		
6. -ған екен	III л. (6)	II л. (1)	

Здесь преобладают I- и II лицо форм прошедшего времени.

Таким образом, частота употребления форм прошедшего времени в разнообразных пяти пьесах дает следующую общую картину: самой частой формой прошедшего времени является в них форма на **-ды** (543), далее следуют в порядке уменьшения частоты формы на **-ған** (184), **-атын** (59), **-ып** (62), **-ып еді** (44), **-ушы еді** (40). К редко встречающимся формам прошедшего времени относятся формы на **-ған екен** (14), **-ған еді** (8), **-атын еді** (3).

Картина соотношения форм прошедшего времени по лицам такова:

Уточнение частоты употребления форм прошедшего времени в произведениях драматургии позволяет сделать следующие выводы:

1. -ды	I л. (240)	III л. (224)	II л. (79)
2. -ған	III л. (94)	I л. (54)	II л. (35)
3. -ып	III л. (24)	I л. (16)	II л. (1)
4. -атын	I л. (32)	III л. (24)	II л. (3)
5. ып еді	I л. (26)	III л. (24)	II л. (2)
6. -ған еді	I л. (4)	II л. (4)	
7. -атын еді	I л. (2)	III л. (1)	
8. -ушы еді	III л. (19)	I л. (14)	II л. (7)

а) формы настоящего и прошедшего времени в языке драматургических произведений по частоте употребления имеют в основном одинаковое соотношение.

б) в произведениях драматургии, по сравнению с другими жанрами художественных произведений, продуктивно употребляются все три времени. Это связано с жанровой особенностью драматургических произведений.

в) здесь часто наблюдаются следы разговорной речи.

Для полноты понимания природы форм прошедшего времени необходимо знать характер употребления этих форм в научном стиле. В научной и научно-популярной литературе, подвергнутой анализу с этой точки зрения, формы прошедшего времени употребляются реже форм

настоящего времени.¹ Здесь среди форм прошедшего времени более часто встречается прошедшее на **-ған** (275), намного реже — форма на **-ды** (27). Формы настоящего времени встречаются в названных научных работах 1112 раз (92,2%), прошедшего времени — 75 раз (5,8%). Из форм прошедшего времени более или менее часты здесь прошедшее на **-ды** (30), прошедшее на **-ған** (40), причем они оформлены показателем III лица.

Наблюдаются следующие особенности употребления временных форм в языке научной литературы:

а) формы прошедшего времени ограничены, более или менее употребительны формы на **-ды** и **-ған**;

б) формы прошедшего времени, встречающиеся, как уже было отмечено, редко, употребляются только в III лице;

в) очень слабы модальные оттенки временных форм;

г) не встречаются случаи переносного употребления временных форм.

Выводы:

1. Количественные характеристики употребления временных форм позволяют точно определить продуктивность той или иной конъюгационной единицы, установить место, занимаемой этой единицей в ряду смежных спрягаемых форм.

2. Наблюдения над использованием различных форм времени в текстах разнообразных стилей и жанров показывают, что в художественной литературе преобладают формы прошедшего времени, далее следуют формы настоящего. Довольно редко встречаются формы будущего. В научной и научно-популярной литературе преобладает настоящее время.

3. Различие художественной и научной (научно-популярной) литературы проявляется и в употреблении различных форм прошедшего: если художественным произведениям свойственна большая активность формы на **-ды**, то в научных и научно-популярных текстах на первый план выдвигается форма на **-ған**.

4. Различные жанры художественной литературы одинаковым образом показывают преимущественное употреб-

¹ Омаров Т. Күн және табиғат құбылыстары. А., 1978; Қордабаев Т. Тілдің структуралық элементтері. А., 1975.

ление форм на **-ды**. Среди остальных форм частоты формы на **-ып** (чаще в прозе и устном народном творчестве), **-ған** (чаще в драматургии) и др.

5. Из форм лица чаще встречаются формы III л., реже I л. и совсем редко II л.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Системы времен индикатива в казахском языке представляет собой довольно многообразную картину, включающую синтетические и аналитические формы, выражающие не только темпоральные, но и при определенных условиях аспектуальные и модальные отношения. Это значительно осложняет квалификацию глагольных форм и требует всестороннего подхода к данной проблеме.

С точки зрения генезиса в системе прошедших времен казахского глагола прежде всего выделяются общетюркские временные формы, среди которых — «прошедшее категорическое» на **-ды**, наиболее древняя финитная глагольная форма в тюркских языках. Тем не менее, согласно сравнительно-историческим исследованиям, и эта форма в своих истоках оказывается отыменной, представляя собой исторически отглагольное имя. Подобная точка зрения на природу данной глагольной формы в настоящее время разделяется большинством тюркологов. Следы именного происхождения прошедшего на **-ды** усматриваются и в современных функциональных характеристиках этой конъюгационной единицы: личные показатели, присоединяемые к данному форманту, восходят к притяжательным аффиксам.

Другая общетюркская глагольная форма, «прошедшее результативное» на **-ған** также имеет отыменное происхождение, будучи полученной из причастия. По способам личного спряжения данной формы казахский язык близок к родственным языкам кыпчакской и карлукской групп, противопоставляясь языкам, не имеющим спрягаемых форм на **-ған** или же дающим аналитические образования. Обращает на себя внимание наличие нескольких вариантов личных форм на **-ған**, ср. **айт-қанмын** (**айт-қа-мын**, **айт-қа-м**) «я говорил», выстраивающиеся в последовательности постепенного стяжения и соответствующего усечения некоторых элементов. Продуктивное употребление этой формы, ранее выступавшей параллель-

но с претеритом на **-мыш**, характерным для якутского и огузских языков, фиксируется с XIII—XIV вв.

Прошедшее на **-ып**, близкое по своей семантике к форме на **-ган** начинает употребляться с XIII в., встречаясь в таких памятниках, как «Терсир», «Огузнаме», «Шеджирей тюрк», «Шеджирей таракима». Данные этих и других письменных памятников позволяют проследить формальные преобразования этой категории, ср.: 1 л. ед. ч. **-ып-турур-мен** > **-ып-тур-мен** > **-ып-пын**; 2 л. ед. ч. — **ып-турур-сен** > **-ып-тур-сен** > **-ып-сен** > **-ып-сын**; 3 л. ед. ч. — **ып-турур** > **-ып-тур** > **-ып-ты**. С функционально-семантической точки зрения данная форма не претерпела никаких изменений по сравнению с дореволюционными материалами.

Древний характер прослеживается и у некоторых аналитических конструкций, хотя в прошлом таких форм в тюркских языках было меньше. В орхоно-енисейских памятниках зафиксировано сочетание основного глагола в форме на **-мыш** со вспомогательным глаголом **-ерті**. Из форм, характерных для современного казахского языка, обращает на себя внимание конструкция на **-ган еді**, встречающаяся уже в памятниках XIII—XIV вв. и близкая по функции к **-мыш ерті**. В таких памятниках как «Терсир», «Огузнаме» обнаруживаются примеры на употребление аналитической формы — **ып еді**.

Как известно, формы прошедшего времени казахского глагола достаточно многозначны, что, видимо, является общетюркской чертой и отмечалось многими исследователями. В силу этого особую роль приобретают детальный анализ функциональных характеристик той или иной формы времени и определение ее условий ее выступления именно в данном значении.

Форма прошедшего на **-ды** употребляется в целом ряде значений, основным из которых (во всяком случае, по мнению ряда исследователей, в генетическом плане) является перфектное значение. Как правило, эта форма обозначает конкретное действие, очевидцем или участником которого был сам говорящий, или не передавать достоверное событие. Иногда последовательность форм на **-ды** служит для передачи своеобразной смены ряда действий, создавая динамику повествования. Отдаленность выражаемого этой формой действия от момента речи варьирует от давнопрошедшего до недавнопрошедше-

го, что регулируется контекстом и лексическим значением глагола.

Форма на **-ған**, продуктивная не только в казахском, но и в других тюркских языках, отличается богатством оттенков прошедшего времени. Будучи довольно близкой по семантике к форме на **-ды**, данная временная категория отличается отношением выражаемого ею действия к настоящему времени: если в форме на **-ды** прошедшее действие передается вне его связи с моментом речи, то в форме на **-ған** такая связь налицо. В силу этого спектр значений данной первоначально перфектной формы включает следующие: выражение результативного прошедшего, в том числе и с оттенком постоянства результата, который переходит в выражение свойства лица, о котором идет речь. В своих функциях форма на **-ған** может передавать как значение многократности, так и однократности. Кроме того, действие, передаваемое формой на **-ған**, совершается в прошлом, удаленном от настоящего в различной степени.

Функциональные особенности формы на **-ыпты** также лучше всего выявляются при изучении ее отношения к моменту речи, а также ее модальных оттенков. Так, наиболее общим значением этой формы является передача прошедшего действия, в совершении которого говорящий не участвовал и свидетелем которого не был, узнав о нем из последующих источников. По-видимому, этим обусловлено употребление этой формы в сказочных повествованиях, хотя модальный оттенок, характерный для этой формы в целом, в данном случае ослабляется. В круг значений, выражаемых прошедшим на **-ыпты** также хорошо вписывается указание на действие, о котором говорящий узнает по наличному результату, обнаруживает его неожиданно для себя. Выражение данной формой времени наличного результата действия приводит к таким ее характеристикам как «прошедшее в настоящее», «прошедшее — настоящее», «прошедшее время с наличным результатом» и т. п.

Форма прошедшего времени на **-атын**, восходящая к сочетанию причастия турган с деепричастием на **-а, -е, -й** является более поздним образованием, результатом целой цепочки фонетических процессов: **атурган > атұған > атұғын > атығын > атын**. Семантической доминантой данной формы является обозначение повторяемости, постоянства, обычности совершенного в прошлом действия.

Аналитические формы казахского языка отличаются своей многочисленностью и многообразием смысловых оттенков. Это создает дополнительные трудности для правильной их квалификации, вынуждает искать наиболее эффективные критерии их определения, поскольку, как показывают различные исследования, в литературе аналитические временные формы зачастую смешиваются с формами, передающими наклонение и модальность.

Особую роль в образовании аналитических временных форм казахского языка играет вспомогательный глагол. Дело в том, что круг таких глаголов как в казахском, так и в других близкородственных тюркских языках достаточно ограничен, хотя знака равенства между вспомогательным глаголами различных тюркских языков поставить нельзя. В казахском языке к аналитическим формам времени мы относим образования, полученные сочетанием причастных и деепричастных форм со вспомогательным глаголом **еді**. К ним относятся следующие формы:

-ған еді. Эта аналитическая форма прошедшего времени выражает действие, предшествующее определенному моменту прошлого (ср. термины «прошедшее относительное» «прошедшее определенное», «прошедшее достоверное», «давнопрошедшее сложное»);

-ып еді. Данная аналитическая форма используется для передачи сопричастности одного действия к другому и в определенных отношениях близка к форме на **-ған еді** (ср. термины: «давнопрошедшее», «прошедшее», «прошедшее обычное», прошедшее повторительное», «предпрошедшее», «плюсквамперфект», «прошедшее незаконченное») и др.);

-атын еді. Употребление этой формы (в существующей терминологии «давнопрошедшее повторительное», «прошедшее привычное», «давнопрошедшее конкретное») довольно ограничено. Как правило, она выражает привычно повторяющееся действие в прошлом или же в определенных контекстах свойство лица;

-ушы еді. Значение данной формы можно определить как выражение конкретного, но незаконченного действия — состояния в прошлом превратившегося в свойств лица, предмета из-за его обычности, систематической повторяемости.

Категория времени в глаголе, как и любая другая языковая категория, представляет собой сложное диалектическое единство взаимообусловленных и взаимопрони-

кающих единиц. Этим, на наш взгляд, обусловлено такое явление, как транспозиция, т. е. перемещение временных значений, использование временной формы в несвойственном ей значении. По нашим наблюдениям, выявляются следующие типичные случаи транспозиции временных форм:

а) формы на **-ды** могут быть использованы для выражения предположения о действии, которое непременно совершится в будущем. (ср.: Енді біттік «Теперь мы пропали»), для придания действию динамичности, живости художественной выразительности (ср.: Онда далада қалдым дей бер «Тогда считай, что остался в степи») и т. п.

б) формы на **-ған** используются в значении настоящего для выражения действий, процессов и событий, происходящих как бы на глазах у воспринимающего лица:

в) довольно редко встречаются и случаи транспозиции форм на **-ып** (ср. кім біліпті «А кто его знает»).

Как видно, явление транспозиции носит в языке неслучайный характер, способствует расширению сферы применения языка, придает общему контексту экспрессивно-эмоциональную окраску.

Взаимосвязи различных временных форм проявляются и в их количественных соотношениях. Численные характеристики глагольных форм являются красноречивым свидетельством продуктивности того или иного аффикса, места, занимаемого аффиксом в ряду смежных единиц. Наши подсчеты проведенные на материале художественной литературы различных жанров, дают следующие показатели: на первом месте по частоте употребления стоит прошедшее на **-ды**; далее наибольшей частотностью характеризуются формы на **-ып** (особенно в прозе и в устном народном творчестве), **-ған** (особенно в драматических произведениях) и др. Как правило, формы прошедшего времени имеют показатели III лица, реже — I л., еще реже — II л.

Научная и научно-популярная литература существенным образом отличается от художественной, во-первых, преобладанием форм настоящего времени (в художественной литературе большей частотностью характеризуется прошедшее) и, во-вторых, преимущественным употреблением среди прошедших времен формы на **-ған**.

СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

- Ат-тухва — Ат-тухва туз закияту филлугатит туркия. Изд. С. Муталлибова, Ташкент, 1968.
- АФ — П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. Спб. 1900.
- БН — Бабур-наме (Записки Бабура) (XVI век). Изд. Н. И. Ильминского, 1857.
- ЗБ — Золотой блеск (Алтун йарук). С. Е. Малов. Памятники Древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.
- ДТС — Древнетюркский словарь. М., 1969.
- КБ — Юсуф Хас Ходжиб. Кутадгу билиг, Ташкент, 1971.
- КК — Кодекс куманикус. Изд. В. В. Радлова. СПб., 1887.
- КТ — Памятник в честь Кюль-Тегина. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.
- МК — Махмуд Кашгарий. Девону луготит-турк. Ташкент, т. 1, 1960; т. 2, 1961; т. 3, 1963. Индекс 1967.
- МН — А. М. Щербак. Огузнаме. Мухаббат-намэ. М., 1959. Э. Н. Наджип. Мухаббат-намэ. М., 1961.
- Т — Памятник в честь Тоньюшука. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.
- Ш. тер. — А. Н. Кононов. Родословная туркмен. М.-Л., 1958.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ИНДИКАТИВА В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ	
1. Становление системы спряжения форм прошедшего времени	20
2. Развитие форм прошедшего времени в системе времен тюркских языков	38
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ	
1. Синтетические формы	51
2. Аналитические формы	71
3. Транспозиция форм прошедшего времени	86
4. Количественные соотношения форм прошедшего времени	95
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	106
СОКРАЩЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ	111

Учебное издание

Ж. Туймебаев

ИНДИКАТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА
В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Тех. редактор М. Омирбекова

Художник В. Логинов

Заказ 3850. Тираж 1000 экз.

Фабрика книги Министерства печати и массовой информации Республики Казахстан, 480124, г. Алма-Ата, проспект Гагарина, 93.